

18+

Борис Седых

ПРОЗА МОРСКОЙ ЖИЗНИ

Записки подводника

Борис Седых
Проза морской жизни.
Записки подводника

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65403756
ISBN 9785005384331*

Аннотация

Записки моряка-подводника о временах службы на флоте, различных курьёзах и переживаниях поколения людей, которые горячо любили свою Родину СССР и отдавали себя без остатка выбранному делу. Но при этом находили время на дружбу, любовь, искали приключения, стараясь изо всех сил избегать рутины и скуки.

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ: БОРИС СЕДЫХ – АВТОР ПОКОЛЕНИЯ, РОДИВШЕГОСЯ В 60- Х	7
ИНТЕРНАТСКОЕ ДЕТСТВО	11
ДЕТСКИЕ ИГРЫ 70-Х	11
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КУЛЬБИТЫ	18
ПИТОНИЯ	29
ЗАБЫТЫЙ ПРАЗДНИК	29
ПОСВЯЩЕНИЕ В ПИТОНЫ	34
КОНЦЕРТ НАХИМОВЦЕВ	38
КУЛЬТПОХОД	44
ХИТРЫЕ ПИТОНЫ	49
ШАМПАНСКОЕ В СУГРОБЕ	53
СКАЗОЧНЫЙ ПЕРСОНАЖ, ИЛИ ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ	55
АДМИРАЛ И НАХИМОВЕЦ	62
НАХИМОВСКАЯ ДРУЖБА	67
Якоря КУРСАНТСКИХ ПОГОН	82
ПО МОРЯМ, ПО ВОЛНАМ	82
ПОХОД ВО ФРАНЦИЮ	94
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Проза морской жизни

Записки подводника

Борис Седых

Редактор Измаил Петров

Иллюстратор Роман Акчурин

Корректор Татьяна Крюкова

Редактор Светлана Кухарева

© Борис Седых, 2024

© Роман Акчурин, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0053-8433-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Если ты видишь эти строки, значит, у меня есть повод для благодарности к тебе за решимость и доверие. За решимость, потому что каким-либо образом ты узнал о существовании этой книги, решил её приобрести и прочесть, и за доверие, потому что это первое моё произведение, увидевшее Свет, отчасти благодаря твоему живому отклику и веры в моё творчество.

Кто я? – Питон, подводник, человек Мира. Почему я пишу? – Как все пишущие, потому что не могу не писать. О чём я пишу? – Истории, вошедшие в эту книгу, произошли некоторое время назад. В одних пришлось быть очевидцем или непосредственным участником, другие услышал от друзей и товарищей по службе. А служил я на Краснознамённом Северном флоте. Это было как будто недавно...

Время идёт, меняется жизнь, расставляет по местам персонажей. Моё поколение стало заложником развала некогда могущественной страны под названием СССР. Этот процесс изменил наши жизни, многих лишил любимого дела. Но в душе мы не изменились, оставшись людьми со своими страстями и жадой справедливости. И счастлив тот из нас, кто может без обид посмотреть на свою жизнь со стороны, с улыбкой и без претензий. Ведь на обиженных воду возят, а мы водили подводные лодки по морям и океанам и честно несли свою службу – дело, которое выбрали делом жизни.

Поэтому, уважаемый читатель, не суди меня слишком строго. Эти короткие полушутливые истории случились с нами за тысячи миль от дома, вдали от любимых и родных – там, в толщах Мирового океана, где прошла значимая часть жизни моряков советского подводного флота. Эти записки кому-то могут показаться грубоватыми. Что ж, сделаем поправку на то, что озвучены они в мужских компаниях. Отсюда и специфическая тематика и юмор...

Зачастую это не просто какие-то забавные истории.

По большей части они правдивы. И не всегда забавны. С возрастом многое видится и воспринимается иначе. И порой в незначительном, как казалось, случае минувших лет видишь большой смысл и характерные черты прошедшей эпохи.

Хотелось бы запоздало выразить благодарность ушедшей из жизни матери за то, что определила мою жизненную стезю моряка, адмиралу Л. Н. Столярову – за верные флотские ориентиры, ныне здравствующему офицеру-воспитателю В. И. Строгову – за неоценимый вклад в становление судеб питонов, отцам-командирам – за то, что сделали из меня специалиста, членам экипажа – за хорошую службу и сплочённость, моим многолетним друзьям – за дружбу, принятие, всемерную поддержку, взаимопонимание, которое не купишь ни за какие деньги.

И, наконец, Всевышнему – за даруемое мне вдохновение.

*С уважением,
Ваш Борис Седых.*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ: БОРИС СЕДЫХ – АВТОР ПОКОЛЕНИЯ, РОДИВШЕГОСЯ В 60-Х

У каждого поколения должен быть свой Автор, в творчестве которого могли бы найти отражение различные стороны той жизни, которая безвозвратно миновала, исчезла, стёрлась с лица быстроменяющегося материального мира, но продолжает своё существование в мире идеальном, вместившем каждое мгновение жизни всех людей, когда-либо живших на этом Свете.

Откуда Автор берёт сюжеты, как подбирает нужные слова, откуда черпает энергию и силы – всё то, что мы называем одним привычным словом «творчество»?

Возможно, невидимыми и неведомыми обычным людям каналами связи подключается к небесной базе данных и черпает оттуда материалы для своих произведений – стихи, проза, музыка, живопись.

Для Автора отсутствуют ограничения человеческого сознания: благодаря упорному труду границы предметного мышления отодвигаются за горизонт и духовное сознание медленно и постепенно заполняет пробелы кратковремен-

ной памяти и вечного недостатка знаний.

На долю поколения родившихся в середине 60-х пришлось пройти через «застойные» 70-е, «перестроечные» 80-е, «лихие» 90-е – метание из противоположных идейных крайностей; гонка с крутыми поворотами по трассе длиной в жизнь к непростым целям; тяжёлое карабканье вверх, чтобы в одно мгновение скатиться вниз по крутому и ухабистому склону жизни и снова найти себя, не опуститься, не растеряться, сохранить оптимизм и веру в собственные силы, расправить парус по ветру, не давая ему превратиться в ткань. Таковы судьбы советских детей, вынужденных жить по законам иного времени.

Боря Седых – Автор нашего Поколения, плоть от плоти, брат-близнец, посланный судьбой. Всё, что им написано, – Правда. Это было с нами на самом деле. Так мы жили – думали, мечтали, совершали глупости, ошибались, работали, любили без остатка.

Школа-интернат, Нахимовское, а затем Высшее военно-морское училище, чтобы служить Родине на ракетной атомной подводной лодке – путь избранных, не дававший благ и привилегий – скорее путь бойца, обязанного отдать свою жизнь без колебаний по первому приказу.

Автор продолжает служить Родине, своему Поколению – друзьям, любимым и совершенно неизвестным людям, в душах которых его творчество находит живой отклик.

Выпускник Нахимовского училища – Питон – отражает

не столько степень образования, сколько состояние души, устоявшуюся систему жизненных ценностей и приоритетов, нашедших отражение в его творчестве.

Эта книга – о нашем Поколении.

*Измаил Петров, капитан-лейтенант запаса,
штурман, питонский брат, дважды однокурсник.*

ИНТЕРНАТСКОЕ ДЕТСТВО

ДЕТСКИЕ ИГРЫ 70-Х

*Судьбы моей еще один виток,
Лечу по кругу в замкнутом режиме.
Я сам расчислю главный свой итог,
Все будет так, как в детстве мы решили.
И. Шейнис*

Не напрасно психологи утверждают, что все проблемы из детства. Этим Фрейдам, как душевным анатомам, любопытно, что находится под одеждой человека. А особенно интересно, какие косточки подвяленные спрятаны в шкафу. Постараемся не докучать и не умничать, посему сделаем вид, что не всё в детстве происходило безоблачно. Трудно вас обмануть, судьба всё расставляет на свои места. Беззаботное детство даёт только счастливый билет в жизнь, а дальше мы сами кидаемся во все тяжкие и восторженные поступки.

Сентябрь – излюбленный месяц по множеству причин. Встреча одноклассников после каникул всегда увлекательна. Какие сплетни, кто новичок в классе? После летнего отдыха чувствуешь, что повзрослели товарищи, да и ты сам не отстал, вследствие чего общение с одноклассниками становится

ся ещё занимательнее, да и успели соскучиться после каникул.

Осенью приятно погулять по прекрасному своей несуетливостью и пейзажами Зеленогорску, утопающему в желтеющих и краснеющих кронах деревьев. Мы часто бродили по городу в течение всего года с нашими классными патронами Тамарой Александровной и Исаем Наумовичем.

Один раз во время такой прогулки с Тамарой Александровной забрели в железнодорожные тупики в районе вокзала, там разгружался вагон с арбузами. Грузчики кидали арбузы из рук в руки, перенося таким образом их с вагона на склад.

Тамара Александровна говорит:

– Чего-то арбуза захотелось.

После небольшой паузы:

– Мальчики, где мой арбуз? Почему никто ничего не делает?

Кто-то из самых шустрых учеников сбегал к вагону, по секретному паролю «дядь, кинь арбузика» заполучил заветную ягоду и принёс её классной даме. Арбуз съели с удовольствием. Однако отдельные принципиальные девочки отказались от лакомства по причине того, что так делать некрасиво, и это, по сути, воровство. Я в споры не вступал, арбуз не ел, было как-то неудобно – ситуация неоднозначная.

После прений по этому вопросу Тамара Александровна подытожила убедительно и бесспорно:

– Во-первых, если женщина захотела арбуз, мужчина должен разбиться в лепёшку, но найти его. Мальчики – молодцы, принесли его. Во-вторых, вы видели, сколько разбитых арбузов возле вагона? Верх бесхозяйственности, не убудет.

От этих слов стало стыдно, что не я сгонял за арбузом, и вдвойне пожалел, что не ел. Кстати, узнав это хлебное место, иногда захаживал туда по субботам перед тем, как уехать на электричке домой, в Ленинград, на выходные. Один раз привёз домой свёклы.

Мама меня тогда похвалила:

– Молодец! Добытчик.

Жили весьма скромно. В хозяйстве и свёкла стодилась.

Продолжу про осенние радости. После отбоя можно было без особых усилий пополнить организмы витаминами, поспевшими в соседних садах, что сразу за заборчиком, условно обозначающим территорию интерната. Времена советские, человек человеку – брат. Высота преграды – максимум метр двадцать. Любой пятиклассник легко преодолеет. Это сейчас во времена «развитого капитализма», когда человек человеку – волк и конкурент, заборы выросли очень значительно.

Если повезёт, можно даже прихватить адреналина, убегая с добычей под рубашкой от хозяев яблонь, слив и чёрной смородины. Походы по садам у многих интернатских поколений приобретали ритуальный характер. Для местных дачников мы были саранча, а они для нас просто отсутствовали.

Нас интересовало лишь то, что созревало в их владениях. Иногда делали организованные набеги, действительно, как саранча. Выгадывали, когда ночной дежурной заступит биологичка, таким образом подрабатывавшая. Хорошая бабушка, нас иногда подкармливала, приносила с кухни оставшиеся после ужина котлеты с хлебом. Заступая на ночную вахту, она закрывала главный вход, а сама засыпала. Начиналось наше время – полной свободы ночной жизни. Через окно первого этажа гроздьями высыпались на просторы Зеленогорска. Осенью – фрукты-ягоды, на день учителя и 9 Мая – цветы, или просто вскрыть бочку с квасом. Такие были наши нехитрые пацанские интересы.

Мы, конечно, безобразничали, бывало, чересчур. Но учителя никогда не давали нас в обиду. Однажды наблюдал картину. Вечером, после самоподготовки все гуляют, носятся по территории, играют. Вижу малыша, класс четвёртый, здоровый дяденька тащит за ухо. И так крепко держит, что ухо вот-вот оторвёт. Малыш визжит как резаный. Вокруг собралась толпа из разных классов, какие-то взрослые, гам, крики, визг.

На шум подошёл учитель физкультуры:

– Что тут происходит?

Здоровый дяденька жалуется:

– Этот мелкий негодяй воровал у меня сливы, всё дерево ободрал!

– Отпустите ухо ребёнка, ему же больно!

Тот не отпускает. Тогда учитель физкультуры резко ладошкой ударил в грудь частного собственника. Малыш вырвался и тут же смылся в кусты.

Дяденька от боли согнулся и зашипел на сбившемся дыхании:

– Что вы делаете? Мне же больно.

– Ребёнку тоже больно было. Теперь 1:1, считай, ничья.

– А как же сливы?

Физрук молча достал из кармана треников три рубля, засунул деньги в нагрудный карман дяденьке и ушёл. Учитель физкультуры проживал в интернате, ему была выделена комната, решил прогуляться за вечерним портвейном. В этот вечер он остался без вина.

Любили в беседке поиграть в сидячий футбол. Выглядело приблизительно так: собирается человек пять в беседке, рассаживаются все по лавочкам, под ними же у каждого игрока ворота – между столбов – и гоняют мяч по беседке. Главное правило – не отрывать заднюю точку от скамейки и не пропустить гол. Это был неформальный футбол по нашим правилам.

А вот больше всех играли в Пекаря. Как Исай Наумович ни пытался нам привить интерес к лапте, игре своего детства, мы упорно дулись в Пекаря. Правила просты: практически упрощённые городки. Палкой сбиваешь железную банку. Пекарь – лучшая игра того времени на свежем воздухе.

Если ко всем этим детским радостям прибавить изуми-

тельную солнечную погоду бабьего лета, можно себе представить уровень детской радости.

Зимой в Зеленогорске любили на кладбище ходить. Ночью, на лыжах. Луна светит, мороз шипит в ноздрях. Сосны величаво охраняют тишину погоста. Красотища! Светишь фонариком на кресты. Читаешь даты рождения и смерти. Писали бы, к примеру: «Умер на 57-м году жизни», а то считать приходится, высчитывать. Интересно было вычитать. Тогда любопытство тянуло на кладбище ночью. В голове не умещалось: «Как такое может быть? Вот я – мальчик, жизнерадостный проказник, получается, тоже когда-то умру? Не может такого быть! Не хочу в это верить, буду жить вечно».

В детстве ещё не знал, что чёрточка между цифрами и есть сама Жизнь. Тайна, возможно, разгадана. Хотя сомневаюсь, эта непостижимая загадка и сакральный смысл заложены в человеке природой. Могут быть только версии, догадки, поиски истины. Может быть, только сам путь. Мне порой кажется, что единственный ответ на вопрос «В чём смысл жизни?» в том, что она неминуемо закончится.

Получается, смысл Жизни в её Смерти. Потом повзрослел, вырос мальчик, в тихое место со спокойными соседями перестало тянуть, хочется вторую дату увеличить, оттянуть. Бываю на кладбище лишь по необходимости, проводить в последний путь друга, отдать дань уважения ранее ушедшим.

Заметил, в последнее время появляться там приходится чаще. Реально оцениваю, почему. Мой жизненный путь ближе к погосту.

Ну... поживём ещё!

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КУЛЬБИТЫ

История из жизни школьников школы-интерната №48

*И вновь сидим мы дружною семьёй,
И вспоминаем школу-интернат.
Так каждый год проходит предо мною
Ребят моих торжественный парад.
И. Шейнис*

Воспоминания из детства теребят душу каждого из нас. Боря с Толей учились вместе с первого по восьмой класс. В наступившие «времена перемен» друзья часто общались, не только в рамках периодических встреч одноклассников. Вместе вспомнили историю, в которой главную роль сыграл наш учитель Исай Наумович. Амплуа ролей второго плана достались его любимым воспитанникам.

Этот весёлый сюжет приключился, когда мы учились в 7-м классе. Точно помню, произошло всё в сентябре. Стояла осенняя тёплая сухая погода. Солнце пригревало пару недель подряд, поэтому создавалось полное ощущение «бабьего лета» в разгар осени.

Предыстория основных событий такова. Классные руководители Тамара Александровна и Исай Наумович подстёгивали нас к «конкурентной борьбе и взаимной любви в от-

ношениях между полами». Надо же придумать такую трактовку законов диалектики! Девочки организуют вечер для мальчиков под названием «Золотая осень» и приглашают лишь достойных с их точки зрения. Недостойные остаются за бортом девчачьего внимания. Как вы думаете, в какой группе оказались Толя и Боря?

Конечно, среди изгоев.

Боря искреннее недоумевал:

– За что?

Толик не придал этому никакого значения, безразлично проговорил:

– Если задуматься, неприятный факт. Но разве это повод для расстройства? Всем мил не будешь.

Обиду сглаживал факт расширенного состава «неприглашённых».

Валера – тут ничего удивительного – самый неугомонный наш одноклассник, имел столько энергии, что участвовал во всех шкодных делах одновременно, даже если они происходили в разных концах интерната. Валера – это броуновское движение со скоростью света. Понятное дело, извёл своей реактивностью всех девочек. Он мог «достать» даже Исаю Наумовича. Один раз после отбоя учитель зашёл к нам в палату, спел под гитару несколько песен, напоследок – «Спокойной ночи, малыши». После чего попрощался и вышел, а Валера вскочил с кровати и начал кривляться. Вдруг вернулся в палату наш учитель. Валера только успел принять

позу испуганного зайца, как тут же получил в свой тощий зад такой смачный волшебный пендель, что летел на свою кровать через две другие. Со стороны выглядело это довольно жестоко, но очень-очень справедливо.

Лёня Силин, его за что? Из мальчиков в классе лучший ученик, много читал, физически развит, на физкультуре стоял первый, к тому же мой друг.

Толик Николаев тоже хорошо учился, он даже писал сочинения своему старшему бестолковому брату, который был на год старше. С девочками конфликтов не имел.

Поскольку наши учителя к этому времени уже посеяли в нас семена собственной значимости и уникальности, а в те времена индивидуальность шла вразрез педагогике, возможно – это был очередной «педагогический кульбит». Изгоям предстояло ответить на вопросы: обидно, что не пригласили? И что ты думаешь? А главное, что будешь предпринимать?

Приятно, что учителя хотели сделать из нас прежде всего личностей, научить анализировать и делать правильные выводы. На почве общей обиды мы сбились в кучу. Как положено, слегка повозмущались. Затем быстренько обсудили положение в мире, в классе, в Гондурасе. Нашли ответ на первый вопрос и поклялись друг другу внимательнее обращаться с будущими мамами, не быть высокомерными, не дёргать за косы, не задирать юбки, относиться с уважением, уступать место в автобусе, любить, лелеять, холить.

Выводы сделали, осталось ответить на вопрос: «Что де-

лать будем?»»

Решение нагрянуло внезапно: бежать на Финский залив купаться, естественно, без разрешения наших воспитателей. Дерзкий план, отличная погода, ни к чему посыпать голову пеплом, и мы вприпрыжку рванули в парк культуры ЗПКиО, на Золотой пляж. Радость переполняла от шикарной погоды, дерзкой затеи, свободы и бесконтрольности.

Бежим с горы по тропинке чуть правее церкви, оставляя её слева.

Белокаменная церковь Казанской иконы Божьей матери построена в 1915 году, первые прихожане называли её Белой невестой. В наши школьные годы, в семидесятых, храм был в запустении. В самом здании находился продовольственный склад, разбитые купола отсутствовали. Несмотря на «старания» советской власти, церковь всё равно оставалась величественной.

Помню, как залезли на один из куполов с моим другом Лёней Силиным. Забрались настолько высоко, насколько это было возможно. На самом верху открылась удивительная панорама. Как на ладони весь Зеленогорск, слева просматривался Сестрорецк, хорошо виден жилой дом «муравейник», прямо по курсу – Кронштадт, выделялся купол Морского собора, который тоже не использовался по прямому назначению. Справа от него, совсем недалеко, открывался прославленный русскими моряками остров Гангут. А сзади, за куполом, уже очень далеко, если хорошо присмотреться, в ясную

погоду можно увидеть загадочную Индию. Одним словом, весь мир у наших ног.

В 1990 году церковь восстановили, она расцвела, вновь заневестилась, получив второе рождение, сейчас это действующий храм. Величаво стоит в окружении высоких сосен и елей, ослепительно просвечивая белизной. Если вы там не были, обязательно посетите в ближайшее время, не тяните – не пожалеете. Внутри – особая камерная атмосфера, теперь это наш любимый православный храм, обязательный для посещения при визитах в город детства.

Перебегаем Приморское шоссе и оказываемся в парке культуры и отдыха, главная аллея которого напрямик выводит нас на пляж. Народу много, все загорают, купаются.

Быстренько разделись. Первый пошёл в воду Валера, затем Рашид. Откуда с нами Рашид взялся? Он был в числе приглашённых на вечер, однако не пошёл на него, решив, что дружба важнее заносчивых девчонок, и решил с нами купаться. Почему он так поступил? Да потому, что Рашид – настоящий товарищ:

– А что мне там делать? Я с вами, пацаны.

Затем в залив зашли Лёня и Толик.

Боря потрогал воду, подумал, что холодновато – природу не обманешь, всё-таки сентябрь на дворе, и остался на берегу. Ребята удалялись в сторону Кронштадта, у берега залив очень мелок, и, пока дойдёшь до глубины, можно расхотеть купаться. Отошли довольно далеко от берега, вдруг неужи-

данно побежали назад, вздымая вокруг себя облако брызг, причём практически выходили на глиссер.

Боря с берега наблюдал эту странную картину и спокойно рассуждал: «Акул в наших широтах нет, что же они так несутся обратно, может, наперегонки забились?» – и стал рассматривать загорающих в поисках девушек в купальниках. Симпатичных девчонок глазами не находил, вдруг поймал себя на мысли, что он уже рассматривает своего учителя.

Ба... Откуда здесь Исай Наумович? Первая мысль: «Он тоже будет купаться, может, он такой же, как Рашид, поэтому с нами, с пацанами?»»

Учитель очень часто проводил с нами время в играх. Так он старался развить в нас сообразительность, фантазию, умение мыслить логично, а иногда наоборот, нестандартно, а также быстроту реакции, умение быть в команде. Часто играли в «отгадай слово», с ним всегда было очень интересно, азартно. Много времени проводили в зале, играя в волейбол, баскетбол. В спортивные игры интеллигент от природы Исай играл очень хорошо, в полную силу, тому способствовал и рост: у него был под два метра. Однажды вечером после ужина рубились в баскетбол, набегались, надо уходить, готовиться к отбою. В спортзале осталось несколько учеников, готовых дальше резвиться, надо как-то отвлечь ребят, тогда учитель говорит:

– Внимание, все смотрите сюда, дайте мне мяч, кто сможет повторить, тому разрешу играть всю ночь. Договори-

лись?

Все хором:

– Да-а-а!

Берёт баскетбольный мяч, встаёт на центр поля и кидает в корзину. С первой же попытки попадает! Все чрезвычайно удивились: как так можно? Каждый попробовал забросить. Все промазали. Повторить не удалось.

– Всё! Уговор есть уговор, никто повторить не смог, всем спокойной ночи, – сказал учитель, и, счастливые от увиденного чуда, побежали готовиться ко сну. Боря лично участвовал в состязании. Этот бросок произвёл на него сильное впечатление.

Вернёмся на пляж. Вторая мысль Бори: «Мы попались, нам влетит», – была ближе к истине. На этом мысли закончились. Оставалось наблюдать за происходящим. Хорошо, что расстояние до учителя – метров тридцать, и множество загорающих позволяло сделать это незаметно. И тут Боря понимает истинную цель присутствия учителя на пляже, в том числе причину рьяного забега по волнам Финского залива своих одноклассников.

Учитель собрал одежду своих подопечных и пообещал:

– Устрою вам торжественную линейку в чём мать родила, – растворился в никуда вместе с одеждой, так же, как появился из ниоткуда.

А ребята во всю прыть бежали за одеждой к берегу, вздымая фонтаны брызг выше своего роста. Люди, наблюдавшие

со стороны, удивлялись:

– Смотрите, как хорошо бежит, вот та группа... в семейных трусах.

Первым финишировал Рашид, потом подтянулись остальные. Каждый спешил убедиться, что и его одежду забрали. Убедились. Думать особо не пришлось, выбирать тоже не из чего, идти обратно придётся в чём есть.

– Надо спешить, пока линейку не собрали, а то позора не оберёшься, – сказал Лёня Силин.

Рашид добавил:

– Исай Наумович до-о-брый, он нам тапки оставил.

– И трусы, – вставил невольный свидетель и теперь участник розыгрыша Боря, еле сдерживаясь от гомерического хохота.

По сути, друзья попали в сложное положение, а хочется со смеха по песку валяться от комичности их положения. На этом кинокомедия не закончилась.

На пляж бежали вприпрыжку, обратно шли гуськом, в одних трусах, на полусогнутых, озираясь по сторонам, прячась по кустам от прохожих. Разнообразие трусов на мальчиках удивляло жителей курортного города. Простые интернатские ребята обычно донашивали одежду за старшими братьями, больше всех не повезло Андрею Бобкову – у него старшие были сёстры. Как назло, гуляющих по Зеленогорску было много.

Дойдя до пригорка, остановились, не идти же в интернат

в таком «наряде». Отправили Борю, единственного одетого, принести какие-нибудь вещи из своего гардероба. Боря тоже был шутник ещё тот, было в кого – в учителя. Направился в гардеробную младших классов, собрал одежду и принёс её друзьям – спасти от позора. Ребята оделись в то, что им досталось. Это было потрясающее зрелище. Инкубаторские беспризорники.

– Где он нашёл такие обноски? – ругался Толик.

– Эта одежда для карликов, – возмутился Лёня Силин.

Толик выглядел очень импозантно: рваная футболка, дырявые треники с вытянутыми коленками. Лёня с трудом натянул на себя белую майку, она была ему настолько мала, что заканчивалась значительно выше пупка. Штаны – чуть ниже колен, можно подумать всякое. Рашид выглядел в новой одежде тоже достойно, не выделялся. Единственному Валере всё подошло по размеру, он был самый маленький в классе. А вот Андрей Бобков не стал даже пытаться влезть в одежду на три размера меньше. Посчитал, что не хочет выглядеть глупо, как Лёня и Рашид, и предпочёл остаться в трусах старшей сестры. Ребята посмотрели друг на друга и поняли: день сегодня не задался, осталось пережить пару минут позора, надо заходить в интернат. Зашли в фойе школы, где, как назло, было много школьников из разных классов. Все смеялись и хлопали в ладоши.

Толик вспоминал:

– В таком «красивом» виде мы вошли в интернат. Мне

было неловко и стыдно, готов был провалиться под землю.

Надо отдать должное Исаю Наумовичу. Он не стал собирать торжественную линейку в честь явления интернату «героев-купальщиков», не стал читать нотаций и как-то наказывать ребят, он просто сказал:

– Повезло вам. Хорошо погуляли!

Хотя сам получил выволочку от недавно назначенного директора за нашу выходку. Ребята нового директора недолюбливали, тот искал конфликты с учителем. Тогда было непонятно – почему? Сейчас очевидно – директор был чинушей от ГорОНО. И завидовал нашему учителю, ведь его так ребята любили.

Шутник Боря тоже остался безнаказанным друзьями за неподходящий размер одежды. Его спас Исай Наумович, избавив ребят от позора, но преподав хороший урок.

Тамара Александровна и Исай Наумович в любых ситуациях нас оберегали и всегда защищали. Помимо того, интересно преподавали русский язык и литературу, постоянно с нами возились и отдавали себя без остатка. Организовывали внеклассные вечера поэзии, викторины, просто танцы. У интерната был свой автобус, мы с удовольствием ездили на экскурсии в Ленинград, Москву, Калинин. Наши учителя работали не от звонка до звонка, а полностью сгорали на работе. Они были мужем и женой. Мы же, живя в интернате, чувствовали себя в их семье.

После окончания интерната нас разнесло по разным учеб-

ным заведениям, а потом и по жизни. Но мы всегда будем благодарны и вспоминаем наших классных преподавателей Тамару Александровну и Исаю Наумовича с душевной теплотой. И целиком убеждены, что нам очень повезло с учителями, подарившими нам счастливое детство и давшими очень верный жизненный старт.

ПИТОНΙΑ

ЗАБЫТЫЙ ПРАЗДНИК

Москва. 7-е ноября 1980 года.

Доброе утро!

Полное ощущение, что это было вчера.

Хорошее было время! Наш первый парад. За завтраком играл духовой оркестр. Под стать расцвеченной к празднику столице красная икра – на бутербродах, на десерт – мороженое.

– Вот он! Парад! Торжество!

Осенние запахи. Пожухлые листья осыпались с деревьев. Первый снег уже успел растаять, и сейчас зябко. Форма одежды «гвоздь»: чёрная бескозырка и шинель. Уши не то красные, не то синие. На груди аксельбанты! Наш полк торжественно замер у Лобного места.

Объезд парадного строя. Возле нашей «коробки» мягко останавливается блистающая хромом дисков и полировкой кузова «Чайка» с Маршалом Советского Союза. Лицо серьёзное, только первая шеренга видит радостные, сияющие из-под лохматых бровей глаза маршала. Он – напротив юных нахимовцев, ещё мальчишек-карасей, будущей опоры ВМФ и всей страны.

– Здр... ва... ва... ва... тов... щи... нах... цы!

– Здр... ва... ва... тов... мар... сов... союза!

– Поздравляю Вас с 63-й годовщиной Вел... кой... Окт...
кой... Со... кой... Рев... ей!!!

– У... ра...! У... ра...! У... ра...!

Сейчас начнётся прохождение.

– Парад!

– Смирно!

– К торжественному маршу!

– Побатальонно!

– На одного линейного дистанции!

– Первый батальон прямо, остальные напра... во!

– На пле... чо!

– Равнение направо. Шагом... марш!

Застучал барабан, торжественно загудели фанфары. Линейные пошли, как оловянные солдаты, на свои места. Чётко, красиво, карабин в руках крутится, как игрушка. Одно слово – «курсанты кремлёвского полка».

И... поплыло.

Великодержавная Москва держит в своих объятиях нахимовский полк.

Мы все перемешаны в стройных шеренгах. Какой класс, какая рота, какой офицер-воспитатель – нам уже неважно. Важно, что мы в одном строю и чётко печатаем шаг по древним булыжникам Красной площади. Одним глазом ловишь грудь четвёртого в строю, другим – Леонида Ильича,

Политбюро и Маршалов СССР на мавзолее. Шеренги ровные, диагональ просматривается.

Прошли молодцы.

Миновал долгий путь тренировок, первые были ещё в летнем лагере, когда вчерашние школьники едва успели отсчитать несколько недель от последнего звонка. Потом маршировали по Петровской набережной. За полтора месяца до парада уехали в Москву, ночевали в «Экипаже». Каждый день печатали шаг по два раза! Утренняя и вечерняя тренировка – обязательно. Для чего на сонных пазиках ездили в Тушино на аэродром. Этот желтоватый Тушинский запах Москвы навсегда останется в памяти. А ещё надо было учиться общеобразовательным предметам, ходили в ближайшую школу строем, в колонну по два. Шли, как пленные румыны. Уставшие, измождённые, с постоянным недосыпом. Перед парадом несколько ночных тренировок, что было очень необычно, так как днём можно было поспать.

Нахимовцы проходили по ранжиру предпоследние. Замыкали парад курсанты училища Верховного Совета, мы их называли Кремлёвскими курсантами. У нас официально самый маленький должен быть не ниже метра сорок, а у курсантов первая шеренга как на подбор – под два метра. И несмотря на то что изначально кремлёвцы брали не на одного, а на двух линейных дистанцию после нашей коробки, в конце прохождения они чуть ли не наступали своими кованными сапожищами 46-го размера на головы нашей по-

следней шеренги. Поэтому на генеральной ночной репетиции 5-го ноября кремлёвские знаменосцы в качестве извинения за свои неприличные размеры подарили нашему левофланговому, самому мелкому, торт, сажали на руки и фотографировались на память. Это был Михаил Афанасьев, он шёл в последней шеренге.

Времени и выносливости хватало не только на изнуряющие тренировки. Культурная программа изобиловала разнообразием. Каждый день лучшая шеренга в полном составе, двадцать человек, вечером отправлялась в театр Советской Армии в качестве награды. Отметим присутствием Третьяковскую галерею, мавзоль Ленина, ВДНХ.

Традиционно посещали Звёздный городок, неформально встречались с космонавтами. Помню, как неслись с Андреем Апанасовым по Звёздному в поисках почтового отделения. Очень хотелось поставить на конверте заветный штампик закрытого для простых смертных городка.

Цирк на Цветном бульваре всегда давал представление для участников парада. Когда вручали цветы Юрию Никулину, директору цирка, он посмотрел на наши погоны с буквой «Н» и говорит абсолютно серьёзно, без тени иронии, как обычно свои анекдоты рассказывал:

– А вы, кто вы, ребята, по званию? Ааа, полковники.

Позади изнурительная подготовка в течение нескольких месяцев. Выполнена первая серьёзная задача на военно-морском пути каждого из нас. Мальчики в свои 14—15 лет по-

лучили первую благодарность от министра обороны.

Этот день на всю жизнь останется в наших сердцах как начало славной биографии!

ПОСВЯЩЕНИЕ В ПИТОНЫ

Великая дата – 9 Мая! Мы, выпускники Нахимовского училища, празднуем не только День Победы, а ещё и День Питонии. Есть такая традиция. Отметив этот День впервые в мае 1981 года, мы на всю жизнь стали «питонами».

Я, нахимовец Седых, в этот день был «декабристом», находясь в застенках системы (училища), в чём-то проштрафился. Эту печальную участь со мной разделял Вадик Ваничкин, он нёс вахту – дежурство по роте. Мы с Вадиком сидели за одной партой. Родители его работали в Казахстане, неподалёку от Байконура, какая-то тысяча миль. Вадик в детстве часто наблюдал запуски ракет в космос. Но решил стать моряком, а не космонавтом. Плавать не умел – где там, в степях, этому учиться? Поэтому пошёл в моряки, чтоб бороздить океаны. Мама Вадика была заслуженным учителем, награждена орденом Ленина. Мне очень приятно иметь такого друга, отношения с которым не изменило время. Вадик каким был, таким и остался – творческая личность – пишет стихи, играет на гитаре.

Мы с Вадиком расположились в нашем 23-м классе на тёплом паркете, выложенным светлой ёлочкой. Лежали на полу в углу, почти под батареей, где было место Вовы Крестина, рядом с аквариумом, в котором обитал одинокий пучеглазый зверь, вернее, рыб. По идейным соображениям

не торчали у окна, созерцая красивый мир, где девчонки гуляли в коротких юбочках, а на другой стороне Невы виднелся Летний сад, через знаменитую решётку которого просвечивал домик Петра. Наказание надо отбывать по-честному, поэтому я лежал на палубе, а Вадик – со мной, он же друг.

Вадик играл на гитаре, напевая мне декабристскую «По тундре, по широкой, по дороге». Эта песня в исполнении Вадика в этот момент звучала очень душевно и своевременно.

Неожиданно и как-то весело в класс вошёл Лёша Вагин – Вагон. Он был настолько мокрый, что вода с него стекала. Бескозырку украшала какая-то зелень, возможно, тина. Точно, водоросли свисали ключьями! Мы с Вадиком не успели спросить: «Что случилось?» – и вслед за Вагоном зашёл в класс Илюша Лябчук – Ляпис. Такой же мокрый, хлюпающий ботинками, источающий из-под одежд своего хрупкого военно-морского туловища зелёную жижу. И был такой же радостный, как Вагон! Ляписа отличала лишь гордость за рога, торчащие из бескозырки! Пружины, которые должны были держать белоснежный чехол, нагло выпирали в разные стороны. Чехол был утрачен, как вскоре выяснилось, в боях за женские сердца.

Юные моряки катались на катамаранах в ЦПКиО. Праздник без девушек – не праздник. Приметив симпатичных русалок на другом плавсредстве, питоны решительно пошли на abordаж. В то время ребята ещё не знали, что такое

метацентр и остойчивость корабля. Поэтому перевернулись столь же быстро, сколь решительной была их тяга к прекрасному полу, хорошо, что все выплыли.

Лёша Вагин в свойственной ему манере весело рассказал, что с ними случилось. Не менее впечатлило их возвращение на общественном транспорте: мокрые, рогатые, ехали в битком набитом трамвае. Люди их сторонились, и вокруг юных нахимовцев появилось кольцо неприкасаемых. Да и понятно, едет будущая элита ВМФ, всплывшая с морского дна, мокрая и в водорослях.

Ещё одним участником этого морского сражения был Вова Максименков – Макс. Он ушёл в спальный корпус переодеваться. По возвращении дополнил историю:

– После неудачного абордажа мы пришли на кольцо трамвая в ЦПКиО. Пока ждали, захотели пописать. Рядом стояла бочка с квасом, спрятались за неё. Начали было радоваться жизни. Но вдруг... бочка поехала... Её тащил за собой грузовик. Мы открылись для обзора толпе гражданского пассажиропотока на остановке. Хорошо, что отчаливание бочки происходило довольно медленно, мы пытались извиваться питонским хвостом, прячась за уплывающим нашим укрытием, с писунами в руках. Видимо, кому-то из зрителей это напомнило фрагмент из «Лебединого озера».

Потом в Ленинградской газете была статья, как юные нахимовцы исполняли в ЦПКиО танец маленьких лебедей.

Конечно, эти лебеди с питонскими хвостами тогда весе-

лили нас с Вадиком настолько же, насколько расстраивали – наша зависть была велика, мы не смогли так интересно отметить День Питонии!

КОНЦЕРТ НАХИМОВЦЕВ

В самом начале восьмидесятых годов прошлого столетия в училище ожидалась делегация с Кубы. Надо уважить высоких гостей: дать концерт силами учащихся.

Программа представления всегда готова, хоть ночью разбуди, будет тебе, во-первых, танец «Яблочко». Во-вторых, песни в исполнении хора: «Нахимовский марш» и «День Победы». И, в-третьих, будет спета хором любимая нами песня на все времена «И Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди!».

Ведущего только нет, нужен непременно испаноязычный. В училище преподавали английский на хорошем уровне, при желании по окончании учёбы можно было получить диплом военного переводчика. Легендарный преподаватель Диде Вольдемар Аюпович в совершенстве знал языки: английский, французский и испанский. Но вести концерт должен, безусловно, воспитанник, нахимовец.

Отдел кадров и начальник политотдела откопали информацию про одного нахимовского родителя. Доложили важную информацию начальнику училища. Отец одного из воспитанников служил на о. Куба инженером-гидротехником, как раз во время Карибского кризиса. В рамках двух длительных командировок провёл на Кубе в общей сложности 5 лет. Первая его командировка была в начале 60-х, он был

в составе первых специалистов, помогавших восстанавливать экономику свободной страны, после революции 1959-го года. Был главным инженером нескольких важных национальных проектов в сфере гидротехники и один из немногих, кто в совершенстве владел испанским языком без переводчиков.

Это был Лев Антипов, отец нахимовца из 21-го класса Паши Антипова. Много позже отец признался, это была официальная легенда, на самом деле, он занимался подготовкой инфраструктуры для обеспечения пуска ракет, включая ракеты с ядерными боеголовками.

Адмирал Столяров Лев Николаевич, начальник Нахимовского училища, вызвал Павла Антипова:

– Ты жил на Кубе. У нас будут гости с острова Революции. Там говорят вроде на испанском? Будешь, Павел, ведущим на концерте.

– Таищ адмирал, я, я... – забуксовал Паша, – недолго там жил, и только в советском представительстве, говорю по-английски свободно, на испанском – нет.

– Вот и хорошо. Раз жил на Кубе, будешь вести концерт. На испанском. Месяц у тебя есть.

– Есть, товарищ адмирал.

Сложно отказать адмиралу, тем более которого уважаешь – Герой Советского Союза, он совершил в качестве командира К-133 трансатлантический переход с Севера на Камчатку, успешно управлял ПЛ в сложных условиях

длительного подводного плавания, в малоизученных районах Тихого и Атлантического океанов, в том числе среди айсбергов и ледяных полей, в проливе Дрейка и водах Антарктики, обогнул мыс Горн, прошёл в подводном положении вдоль Антарктиды – настоящий герой.

Паша проникся, озадачился. Радость в тот момент была на нуле. Что делать?

На репетиции концерта рассказал о порученной невыполнимой задаче Маме. Мама – Кочетова Маргарита Анатольевна – многие годы руководила самодеятельностью в Нахимовском училище. Её стараниями уровень концертов в училище был не ниже, чем в театре Советской Армии, возможно, даже выше, ведь училище военно-морское. Творчество Мамы по заслугам было отмечено наградами Советского правительства. Орден Ленина, высшая награда того времени, нашёл своё место на груди любимой нахимовцами Мамы.

Мама сердечно относилась к ребятам, как к своим деткам, позволяя шалить на репетициях, но свою миссию выполняла исправно. Находила подход к каждому юноше, ребята отвечали взаимностью, Маму обожали. Концерты были – загляденье!

Паша взял у Мамы русские тексты партии конференсье грядущего концерта для делегации с Кубы. Ирония ситуации заключалась в том, что подготовка к концерту началась за месяц, а поскольку интернета тогда не было, переписка с отцом, к которому будущий конференсье обратился

за помощью с переводом по обычной почте, как раз и заняла больше трёх недель. Когда он, наконец, получил долгожданный конверт с пометкой «авиа» с переведённой на испанский язык программой концерта, у него реально оставались только три дня, чтобы текст выучить наизусть. Ценой этого конверта была спасённая честь нахимовца и всего училища.

Как быстро можно изучить иностранный язык? – За три дня! Если, конечно, на вашем жизненном пути встретится «адмирал Столяров». Нет ничего невозможного. До сих пор отскакивает от зубов:

– Queridos amigos Cubanos! Y ahora comenzamos el concierto de los futuros oficiales de la marina de Guerra!¹ – и далее по чётко вызубренному тексту до финальных аплодисментов высоких зарубежных зрителей.

Кубинская делегация после концерта выражала благодарность за высокий уровень концерта. Особенно хвалила испаноязычного ведущего.

Адмирал Столяров крепко пожал руку нахимовцу Антипову со словами:

– Спасибо, молодец, а говорил, испанского не знаешь.

Паша промолчал, повёл плечами, но не признался, что язык за три дня «выучил», а вдруг французы приедут. Надо втайне хранить, что полиглот.

– Молодец, молодец! Благодарю за службу!

Паша с гордостью ответил:

¹ – Дорогие кубинские друзья! Начинаем концерт будущих офицеров ВМФ!

– Служу Советскому Союзу!

Тогда это не были просто слова. Согласно Уставу, это выражало суть текущего момента. Решена задача международного уровня! В рамках торжественного приёма делегации дружественного государства. Дипломатический уровень. И ещё это заклинание, мантра на будущее.

Павел Львович после Нахимовского поступил в Киевское Высшее Военно-морское политическое училище. В сложные времена перемен служил на кораблях ВМФ. Закончил службу в звании капитана 2-го ранга. Паша принадлежит к той редкой когорте замполитов, которых уважали и матросы, и офицеры. Был допущен к самостоятельному управлению кораблём и отлично справлялся в сложных условиях. Во время службы возникали разные боевые задачи, они были ему по плечу. Павел Львович успешно вынес все причуды военно-морской службы в 7-й оперативной атлантической эскадре кораблей ВМФ (г. Североморск) на БПК «Смышлёный» и крейсере «Адмирал Горшков». Сейчас, некогда нахимовец, Антипов проживает в Самаре, работает в сфере международного образовательного консалтинга, часто находится в заграничных командировках. Проводит выставки, конференции, семинары. Владеет несколькими иностранными языками.

Не удивительно. Ведь Паша – нахимовец. И за три дня выучил испанский язык...

El pueblo unido jamas sera vencido! – Когда мы едины, мы непобедимы!

No pasaran!

КУЛЬТПОХОД

Андрей стал счастливым обладателем билетов в оперу. Напарником по случаю и возможности прикоснуться к прекрасному оказался... ну, пусть будет Вадик Новиков. После очередной материализации духа и раздачи слонов два нахимовца девятого класса получили бумажки невысокого качества, но большой ценности, с крупными буквами «БИЛЕТ», далее мелкими «Опера Евгений Онегин» из рук самого офицера-воспитателя Виктора Ивановича Строгова.

Наш ментор под стать фамилии: строг, но справедлив. Его не проведёшь, видит каждого своего птенца насквозь, знает, кому сегодня необходимо слушать оперу Петра Ильича Чайковского.

Командование ЛенВМБ повышало культурный уровень моряков, бесплатно выдавая билеты в театры, часть которых попала в Нахимовское училище.

Почему выбор пал на Андрея и Вадика, знал исключительно он, офицер и воспитатель. Его решения обязательны к исполнению, увы, никакого плюрализма. Нам в жизни повезло с наставником, спуска не давал, возможно, поэтому из нас толк получился.

Первая мысль после пересечения проходной:

– Зачем нам эта опера? Пойдём, погуляем, с девчонками взбаламутим.

Вторая реалистичнее:

– Строгова не проведёшь, лучше сходим на «Онегина», но совместим полезное с приятным.

В каждой паре водится ведущий и ведомый, как у лётчиков. Летят два нахимовца в ленинградском трамвае, вечерет, загорелись первые окна. В одной из квартир варят варенье. Из дома слышен вокал. Классическое сопрано филигранно выводит:

Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирили звук – унылый и простой —
Слыхали ль вы?

Ведущим в паре истребителей оказался Вадик:

– Андрюха, что на сухую в театр идти? Рубль есть?

Ведомый достал из кармана шинели мятую советскую жёлтую бумажку. Высыпал из всех заглазников мелочь.

Вадик воскликнул:

– Отлично, нам должно хватить!

Андрей понял, на что скидывались, когда оказались в винном магазине. Никогда не пил ничего крепче кваса, но отступить некуда. С умным видом помогал Вадику выбрать напиток. Денег хватило на «Бычью кровь». Продавщица вежливо дала бесплатно две конфетки.

Времени до начала оперы оставалось совсем впритык. На-

до быстрее попробовать эту «кровь». Забежали в ближайшую парадную, вскрыли бутылку.

Довольный Вадик перед первым глотком:

– Хорошее, венгерское, смотри, какой цвет рубиновый.

Креплёное.

Сделали по длинному глоточку, бутылка опустела, побежали на спектакль.

Смеркалось, какой красивый город, как приятны голоса меццо-сопрано:

Они поют... и я, бывало,
В давно прошедшие года —
Ты помнишь ли? – и я певала...

Опоздали, уж третий звонок отзвенел. Сыскали амфитеатр, согнувшись, на цыпочках заходят в зал.

Вы были молоды тогда!

Темно, не видно ни черта. Ступеньки где?

Тем временем «Бычья кровь» смешалась с кровью нахимовцев, результат диффузии дошёл до головного мозга, нарушив координацию движений. Вадик споткнулся и с грохотом упал. Громко чертыхнулся. Андрей брякнулся на Вадика и что-то ему очень сильно отдал.

Вадик неистово закричал:

– Ой, больно, больно, любезный мой товарищ, за что же,

брат?

Ведь он был славный франт,
Игрок и гвардии сержант!

Весь зал смотрел уже не на сцену, а на действие в амфитеатре. Пользуясь темнотой, пробрались к своим местам без оваций.

Когда в зале рассвело, Андрей увидел офицеров ЛенВМБ с жёнами:

– Да, неудобно получилось, мало того, что опоздали, так ещё кучу малу устроили. Столько офицеров, вдруг учуют «венгерскую кровь» и строго накажут. Спасибо продавщице в магазине, душевная женщина, надо конфетку съесть.

Куда, куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?
Что день грядущий мне готовит?

С непривычки второе отделение Андрей слушал во сне. Тенор арию Ленского исполнил очень сильно и проникновенно, какой голос!

Паду ли я, стрелой пронзённый,
Иль мимо пролетит она,
Всё благо; бдения и сна
Приходит час определённый!

Благодаря культпоходу, Андрею понравилась опера, и до сих пор вокальное искусство оставляет его равнодушным.

Виктор Иванович не ошибся в выборе пассажира, вручая заветный билет в мир прекрасного...

ХИТРЫЕ ПИТОНЫ

Не могу вспомнить, был ли нахимовец ростом меньше, чем Илья Кузнецов. Наверняка, ведь Илюха – здоровый малый! Таким подходят выражения: «Мал да удал» или «Мал золотник да дорог».

Выраженьица – о ловком и быстром человеке. Он хоть и маленький, но юркий, гибкий и шустрый. Что помогает ему достигать поставленные перед собой цели, быть пробивным, удачливым по жизни. Ведь не в росте дело, и не в сантиметрах счастье. Главное, чтобы человек был хорошим.

Илюша в ЛНВМУ учился так себе, особо не усердствовал, наслаждался прелестями нахимовского бытия. На медкомиссии при поступлении обнаружилась близорукость — 3,5. С таким диагнозом можно отправляться на ДМБ, не принимая присяги. Пришлось отцу написать рапорт на имя Главкома ВМФ и начальнику училища, дяде Лёве Столярову. А также за помощью обратиться к маме Володи Бабошина. Когда отец Вовы был командиром БЧ-5, батя Ильи служил старпомом – на одной лодке К-5. Мама Вовы работала в поликлинике детским педиатром, благодаря ей Илюша остался в строю нахимовцев. Правда, какое-то время слыл очкариком.

Когда Илью одели в форму, как в фильме «Юнга Северного флота», и отпустили попрощаться с родителями, мама

плакала и говорила:

– Илюша, поехали домой...

– Нет, мама, я буду моряком, а ты поезжай домой, всё будет хорошо, – ответил Илья и убежал в роту, чтоб не разводиться лишнюю сырость.

Пришёл во взвод вроде как блатной, пацаны смотрят на мелкого:

– Что за чмо? Да ещё в очках?!

Илья – парень простой, компанейский, оказался за одной партой с Антошей Кобзевым, москвичом, а их не очень любили, такая традиция на Руси. Вдвоём легче дружить со всей Русью. Постепенно они сошлись, потом случилось покорефаниться на почве разгильдяйства и курения «Беломора» с Владом Ярошем, Вадимом Хужахметовым и Сашей Макаровым. Саша не курил, но с удовольствием участвовал в безобидных проказах с друзьями.

По-настоящему Илюху зауважали после чемпионата Нахимовского училища по вольной борьбе. В поединке за 1-е место Илюшу укусил питон на год старше и положил на лопатки. Победителей не судят, Илья занял почётное второе место. Однако ребята из 21-го класса жаждали возмездия за неспортивное поведение старшего питона, и через два дня, после чистки картошки, его встретили с целью объяснить, что нельзя в честном поединке побеждать, употребляя запрещённые приёмы. Прибежали старшеклассники, но грандиозной потасовки не случилось, те включили

заднюю.

После этого чемпионата за Ильёй закрепилось прозвище Дедушка Пак. К 60-летию Ленинского Комсомола в кино-театрах прошла премьера фильма «Поговорим, брат», про дальневосточных партизан 1922 года, где был персонаж – маленький дедушка Пак.

Учебный процесс не всем давался легко. Приходилось прибегать к питонским хитростям, так, на пару с Владом Ярошем перед очередной контрольной по физике сбежали в санчасть:

– Болят животы, похоже, отравились пирожками на Горьковской.

Илья потом рассказывал:

– Наш любимый врач Софья (отчество, к сожалению, не помню) вызвала медсестру с трёхлитровым кувшином марганцовки, мы пили противное содержимое под её присмотром, затем синхронно травили в галюне, а потом лежали в стационаре и ели белые сухари. Настоящие профессионалы лечили наше воспаление хитрости. Но мы держались, ведь пацаны не давали умереть с голода и таскали бутерброды из «чепка», который находился в полуподвале возле центрального входа, где пушки стояли.

Нет, конечно, в высшем училище подводного плавания Илья остепенился и с 3-го курса взялся за учёбу, стал замкомвзвода, хотя все пацаны обижались:

– Илюха, за что ты нас под танки бросаешь?

Илья отшучивался:

– Не под танки, а на корабли... На флот – матросами, если будете безобразия хулиганить.

ШАМПАНСКОЕ В СУГРОБЕ

Как-то зимой к Илье пришла девушка на свидание. Встретились на проходной. У неё был день рождения. В город Илью не пустили, так как получил «банан» по физике. Девушка расстроилась, но вошла в положение – мальчик учится Родине служить. Они поболтали и напоследок поцеловались. Причём не как брат с сестрой, а по-настоящему: долго, с трепетом и удовольствием. Это был первый поцелуй, сладкий, как мёд, нежный и желанный.

Девушка прошептала:

– Вот тебе, Илюша, подарок – бутылка шампанского – хотела с тобой отпраздновать, но раз не случилось, выпей с друзьями за меня.

Илья ещё был во власти поцелуя, пытаясь волей сознания унять волнение в штанах, но сообразил, что через вахту с бутылкой не пробраться.

Попросил подружку:

– Спрячь в сугробе, возле старого спального корпуса, что рядом с пожарной частью. Я потом заберу твой подарок.

Вечером Илюха собрал пацанов и обрисовал обстановку, решили его десантировать из галюна второго этажа на ул. Пеньковая.

Оделся в чёрный спортивный костюм, обмотался простыней, получился маскхалат. Взял с собой непременно атри-

бут – спортивный чемоданчик. Без него никуда, он вольной борьбой занимался со второго класса ещё в Москве, в школе «Самбо-70», и в Нахимовском училище уже успел отметить-ся на соревнованиях. Обвязали Илюшу пожарным шлангом и аккуратно спустили.

Спустившись удачно, человек-паук побежал копать сугробы, искать заветный подарок, а на дворе минус двадцать, замёрз напрочь. Кто ищет, тот всегда найдёт! Конечно, чудо случилось. Правда, руки за это время превратились в крюки. Бутылку кинул в чемоданчик, шланг с трудом привязал, собратья подняли ценный груз. Побежали в бытовку. Открыли заветный ларец, а шампанское замёрзло, и бутылка треснула.

Кто-то разочарованно спросил:

– Что с этим куском льда делать?

– Будем есть мороженое шампанское!

Разобрали от осколков застывший, некогда игристый напиток, порезали на куски и съели.

Все смеялись:

– Да, Илюха, отличная у тебя подруга!

Потом уже офицерами вспоминали этот случай и улыба-лись, потягивая крепкий чаёк.

Друзья завидовали Илье:

– Везёт тебе с девчонками. А замёрзшее шампанское не забыть!

Илья тоже улыбался и молчал. Вспоминал незабываемый первый поцелуй...

СКАЗОЧНЫЙ ПЕРСОНАЖ, ИЛИ ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Дети военных переносят тяготы и лишения воинской службы вместе с родителями гораздо легче их самих. Хотя учёба для них – это не эскимо на палочке съесть, а тернистый путь к знаниям. Сплошные мытарства по базам и гарнизонам, непрерывная смена школ по всей необъятной державе. Но у этой медали есть обратная сторона: боевое кочевое детство позволяет им раньше сверстников постичь азы взрослой жизни, верно выбрать свой путь, научиться приспособляться и никогда не теряться на сложных выражах судьбы.

Родился наш персонаж в городе-герое Ленинграде в 1965 году 31 марта, так что сообщение о его появлении на свет 1-го апреля было воспринято родными и близкими соответствующим образом. Из роддома кричащего мальчугана, удивлённо смотрящего на мир, принесли в коммуналку на канале Грибоедова, между проспектом Маклина (ныне Английский) и Садовой, рядом с Первым ордена Ленина Военно-морским госпиталем.

В два годика в больнице им К. А. Раухфуса малышу поставили грозный диагноз – гнойный менингит. Прогноз врачей на предмет дальнейшей жизнеспособности был таков: «Должен зажмуриться. В лучшем случае до конца дней будет

ходить в каске и улыбаться...» Однако выкарабкался, уже в нежном возрасте выбрав своё жизненное кредо – выживать. Головные уборы до сих пор не любит, а улыбается – только дайте повод.

В четыре года увезли карапуза на Камчатку. И понеслось...

Если без подробностей, школьная жизнь началась в Рыбачьем жилом районе Вилючинска. Оставшиеся два года младшей школы доучился в украинском Тернополе, под присмотром бабушки и дедушки.

Тяга к путешествиям проявилась у мальчика очень рано. После окончания третьего класса поставил предков перед фактом, что едет к приятелю, и был таков. Из города тихо свинтил в деревню к новому другу, с которым познакомился на вокзале. Пацаны весело провели целый летний месяц: спали на сеновале, пасли коров и пили парное молоко. Такие приключения без присмотра взрослых даром не прошли: сильно простудился. Сейчас настаивает: «Не верьте любовным сценам в кино на сеновале, это просто невозможно...» Нашего сказочного персонажа вовремя разыскали родители. Увезли мальчика домой, простуду исцелили, а вот тягу к путешествиям как вылечить? Похоже, это стало вторым диагнозом по жизни.

И 4-й учебный год нашего героя начался опять на Камчатке. Но пришлось отучиться один месяц в Ленинградской школе с последующим возвращением к родителям, на Рыба-

чий.

Когда без пяти минут пятиклассник Камчатской школы в Бечевинке заявил о своём желании заниматься музыкой, мама обрадовалась, у сына есть тяга к музыке:

– Сынок, на чём хочешь играть?

Без тени сомнений ответил:

– Конечно, на гитаре!

Парень не знал, что в советские времена в музыкальных школах для желающих играть на струнных щипковых музыкальных инструментах выбор был невелик: домра или балалайка. Пришлось записаться на класс балалайки. Юный герой от такой лотереи был не в восторге. Сначала занятия посещал даже с некоторым энтузиазмом, правда, его хватило ненадолго. Хоть режь, но балалайка – это не гитара. Особенно для 10-летнего пацана, у которого в доме бобинный магнитофон «Маяк-202» и целый шкаф подпольных записей Владимира Высоцкого, Аркадия Северного, одесситов и им подобных. А модное ныне заграничное слово «укулеле» тогда было не в ходу.

Слов нет, по крайней мере, приличных, но оказывать сопротивление было бесполезно, особенно открытое и активное. Сам захотел – изволь оправдать надежды родителей. Мать была настойчива в своём желании привить сыну тягу к прекрасному. В ответ мальчуган с поразительной регулярностью при заточке карандашей, а точили их лезвием, ранил пальцы. Через полгода родители мальчика его раскусили:

– Надо завязывать с балалайкой, а то пальцы себе совсем отрежет.

Так страна потеряла потенциального великого балалаечника.

Расставание с музыкальной школой сказочный персонаж ознаменовал переходом в новое качество: пошёл юнгой на торпедолов ТЛ-830. Да, братцы, многие офицеры оружейных специальностей и штурмана знают, что это такое. Ходили прикомандированными на торпедоловах, обеспечивая практические (учебные) торпедные стрельбы боевых кораблей флота. Надо прийти в точку стрельб, ждать, пока все отстреляются, найти учебную болванку, а её, бывало, и сутки-другие приходилось искать, затащить на борт, вернуться в базу. Волнение моря в лучшем случае 3—4 балла, высота волны при этом выше маленького судёнышка. Пока ждёшь стрельб, находишься в дрейфе, железяку грёбаную швыряет, как мотылёк. Полное ощущение езды на американских горках, через четыре часа качки перестаёшь понимать, что летит вверх – голова или ноги. Это вам не морковку тёртую с сахаром уплетать за обе щёки. Офицеры-подводники, вернувшиеся в базу, потом ещё долго вспоминали торпедолов, вопрошая в кают-компаниях:

– Ты ходил на торпедолове? Нет? Ну тогда ты моря не видел!

Пятиклассник-юнга почувствовал вкус моря и кураж корабельной службы не так, как его воспринимают взрослые

моряки. Первая крутая волна ничуть не испугала, только раздражила интерес к мореплаванию. Он гордился тем, что приходится заниматься реальной мужской работой. Про подводников ему рассказывали, что они на лодках только и делают, что едят шоколадки и воблу из железных банок, красную икру – ложками, и вино им каждый день наливают, а больше ничего делать не надо. На торпедолове он воочию познал, кто такие подводники. Вместе с ними постигал морские законы и ел одни галеты. Другой еды на торпедолове не было, да оно и верно: а зачем? Всё равно за бортом останется.

Бечевинка – маленькая деревня из нескольких домов. Можете представить себе, какая там была школа? В пятом классе училось аж тринадцать человек, в шестом – всего один. Математику преподавал матрос срочной службы. К процессу обучения он относился настолько качественно, что впоследствии в Макаровке наш персонаж был один из четырёх в роте судоводителей (из 120 курсантов), который получил повышенную стипендию после первой сессии ввиду отличных оценок, в том числе по высшей математике. Причём после срочной службы в ВМФ. Второй стипендиат был тоже нахимовец, также после срочной службы, Сергей Смеянов.

Далее – точно без подробностей. 6-й класс повторил четвёртый: Бечевинка, одна четверть в Ленинграде. 7-й класс – практически рядом с колыбелью революции: Лахденпохья, Карелия.

В начале 8-го класса пришлось неожиданно переехать

в Сочи. Учёба была заброшена на полгода. К новому 1980-му году семья вернулась в Лахденпохью. Чтобы не остаться на второй год в 7-м классе, пришлось сдать все контрольные за пропущенные полгода в течение одной недели!

Путём несложных математических подсчётов восьмиклассник вычислил, что одноклассников за весь период обучения в средней школе у него было около двухсот! С учётом того, что в Бечевинке было всего двенадцать.

Судя по мытарствам в юные годы, будущность готовила сложный путь нашему герою. Судьба-злодейка решила испытать героя по полной, но на время смилостивилась над ним и предоставила незначительную передышку на два года: наш сказочный персонаж поступил в Нахимовское училище. В Питонию!

Со слов нашего героя, в Нахимовское он решил поступать вот почему:

«Ещё в четвёртом классе узнал, кто такие питоны, для несведущих – нахимовцы. Оценил воочию, какие они отважные и решительные. Есть у меня старший брат. Он вырос на Камчатке, откуда летом 1977-го стартовал в Нахимовское, а я тем временем с четырёх лет катался по стране, пока не приехал к маме на Камчатку учиться в четвёртом классе. И вот, накануне нового 1978-го года, утром он ввалился в нашу квартирку в чёрной морской форме, замёрзший, заснеженный и, как я сейчас представляю, на исходе юношеских сил. Тогда в силу возраста я не понимал, а мама была в шоке.

Как? Почему? Откуда? Оказалось, что брат Женя, на тот момент ещё карась, и два друга-питона, не поставив в известность никого из родственников, прилетели домой на зимние каникулы. Рыбачий находится напротив Петропавловска через Авачинскую бухту – час на пароме. А эти орлы приземлились ближе к ночи, естественно, паром уже не ходил. Со связью в те времена было проблемно, и нахимовцы, недолго думая, двинули пешком вокруг бухты. На полдороги был ещё посёлок Тарья. Дорога была, чистили регулярно, а вот освещения никакого. Питоны за ночь обошли бухту, чтобы утром попасть в объятия родных. В моих глазах нахимовцы стали теми, кому можно и нужно подражать. Возможно, тогда я и сделал свой выбор».

Это были самые безмятежные годы. Хорошие преподаватели, самый добрый офицер-воспитатель, Виктор Михайлович Вербицкий, одноклассники – под стать.

Наш сказочный персонаж военно-морским офицером не стал. Но, согласитесь, весьма наивно выглядят молодые офицеры, рвущиеся по окончании высших училищ в романтический надводный и подводный мир, в сравнении со школьником, уже познавшим солёный ветер морей, перемежая его с борьбой за багаж знаний.

Всему своё время и свой жизненный путь. И пройти его надо... Точка. Насколько он был сказочным, оценим потом.

АДМИРАЛ И НАХИМОВЕЦ

Наши судьбы ведомы порой не только усердием в школьной борьбе за хорошие отметки или целеустремлённостью в достижении заветной цели. Также они зависят и от личного разгильдяйства и случайных встреч с людьми, которые своим советом или вовремя принятым решением влияют на дальнейшую жизнь.

Расскажу вам историю поступления в Нахимовское училище и дальнейший путь в Ленком. Возвращаясь в те времена, задумываешься, это произошло со мной или такого не могло быть? Может, хороший сон? Или придумал для складности?

Никогда не мечтал о море, даже когда забирался на руины купола церкви Казанской Божией матери в Зеленогорске, всматриваясь в обозримую даль Финского залива. На уроках труда хорошо получалось на токарном станке деревяшки обрабатывать. Первая табуретка вышла настолько идеальной, что побудила осязаемую цель стать краснодеревщиком. Не повезло. Мама, работавшая в Нахимовском училище, в шестом классе огласила дальнейшие планы на жизненный выбор подростка:

– Разговаривала с начальником училища, он человек уважаемый, из многодетной семьи, свой путь начинал рабочим во время войны, будучи твоим ровесником. Интересовался,

будешь ли поступать в Нахимовское?

– Мама, у нас в семье нет моряков, хочу быть столяром.

– Будь хоть космонавтом, закончишь десять классов в училище возле Авроры, потом окончательно решишь, кем хочешь стать. Учись в школе хорошо, при поступлении экзамены строгие.

За два года подтянул оценки и свыкся с мыслью, что надо поступать в Нахимовское. Экзамены сдал хорошо, физику и математику щёлкал как семечки. Русский – не без труда. Литература местами интересовала, поэтому чуть лучше. Секретная тетрадь с оценками при поступлении, которую скрупулёзно вёл Строгов, недавно стала публичной для 23-го класса. Гриф «секретно» аннулирован, поинтересовался – средний балл выше среднего.

Настала мандатная комиссия. Отвечаю на вопросы.

Вдруг начальник политотдела Николай Ильич Петраков интересуется:

– Почему решил поступать в военно-морское училище?

Меня переключило, не рассказывать же историю двухлетней давности. Мол, мама так решила, я не хотел, но потом согласился.

Лев Николаевич Столяров, начальник училища, по-отечески стал поддерживать, задал наводящий вопрос:

– Хочешь судьбу свою связать с флотом, так?

– Да, – и больше не мог ничего выдавить из себя.

Смотрел на звезду Героя на груди адмирала, никогда так

близко её не видел.

Лев Николаевич продолжал рассказывать начальнику поллитотдела:

– Служба на кораблях ВМФ интересная и почётная, хочешь стать военно-морским офицером, поэтому и поступаешь в училище. Хочешь быть защитником Родины? Так?

– Да, товарищ адмирал, всё так, как вы сказали.

– Отлично, думаю, у мандатной комиссии вопросов больше нет. Да, Николай Ильич?

Потом – мне:

– Будешь нахимовцем.

Всё, что от моего лица высказал тогда адмирал, стало впоследствии путёвкой в жизнь.

Ещё одна встреча со Львом Николаевичем Столяровым оказалась судьбоносной.

Перед самым выпуском случился самоход. Произошёл сам собой, после вечерней прогулки с девушкой вдоль набережной засиделись на скамейке в палисаднике, что напротив проходной. Время пролетело незаметно, прозевал вечернюю поверку.

Пришёл в роту, чётко доложил:

– Из самовольной отлучки прибыл, замечаний не имел.

Этот залёт серьёзно влиял на распределение в высшее училище. Профессию выбрал штурманскую, а вот дальнейшего места учёбы досталось в этом случае в Баку или во Владивостоке, там тоже были штурманские факультеты. Да-

лековато от родного Ленинграда, сам виноват. Женщины до добра не доведут, а здесь ещё личное разгильдяйство – самоход. Погрустил, но смирился, сам виноват.

Через пару недель, будучи в законном увольнении, поднимаюсь в свою коммунальную квартиру, открываю дверь. Вижу и столбенею. В широком коридоре на сверкающем паркете, который жильцы драили по графику, стоит начальник училища! Что он здесь делает?

Отдал честь:

– Здравия желаю, товарищ адмирал!

– О, нахимовец, ты здесь живёшь?

– Так точно.

Потом узнал, Лев Николаевич заходил в гости к сослуживцу с К-133, они вместе кругосветку вдоль Антарктики через пролив Дрейка ходили, мыс Горн огибали. Разговорились, адмирал увидел три галки на курсовке, расспросил, куда распределили, чего нерадостный такой.

Пришлось поделиться подробностями про самоход, рассказал, что мечтаю быть штурманом и добавил:

– Товарищ адмирал, хотел стать подводником, как вы!

И продолжить учёбу в училище подводного плавания им. Ленинского Комсомола. Теперь вряд ли, говорят, в Баку или Владивосток поеду, велика вероятность потом попасть на надводные корабли.

Адмирал спокойно и уверенно сказал:

– Напомни свою фамилию, нахимовец, будешь подводни-

ком.

Встреча была неожиданной, увидеть и поговорить с начальником училища в своей коммуналке, в неформальной обстановке – что-то нереальное. Словам адмирала значения не придавал, они прозвучали не однозначно.

Зато когда получил ленточку от дяди Славы, старшины роты, перед торжественным построением в честь выпуска, с удивлением и радостью прочитал на ней тиснёные золотом буквы «ВВМУ им. Ленинского Комсомола».

Запомнил тот день. Он был одним из самых счастливых в жизни!

НАХИМОВСКАЯ ДРУЖБА

Кто мы? И откуда?

Все мы разные. У каждого личный жизненный путь, своя судьба, особая уникальная история. Откуда? На этот вопрос попытаемся ответить. Территориально – из Советского Союза, из Нахимовского училища. Всего два года провели плечом к плечу, а такие крепкие дружеские сцепы созданы между нами.

Что было до нашего рождения? Знаем от родителей, дедушек и прадедушек. Понятно, говорили не всё, что-то нельзя было разглашать, чего-то сами не хотели понимать и принимать. Всего рассказанного лично не видели. Только слышали или читали. Значит, даже поведенное родными может быть полуправдой. Историю пишут люди.

Нужно быть избирательным к любой информации. Поэтому не будем убеждать, будем повествовать. Бытописание не выражает взглядов, не дразнит оппонентов. Как следствие, меньше переживаний, посещений поликлиник и реанимаций – не наносит вред организму.

Начало нашей истории было положено более сорока лет назад. Об этом доложил с юмором наш собрат-питон Жора.

Повод для встречи оказался весьма приятным и был посвящён дням рождения двух значимых для нас персон: Павла Степановича Нахимова – двести шестнадцать лет, и Вик-

тора Ивановича Строгова, офицера-воспитателя 23-го класса – семьдесят один год. Что удивительно – Нахимов и Строгов родились в один день.

Событие получилось интересным на даче Виктора Ивановича, близ Нахимовского озера. Расположились на выстроенной специально ко встрече веранде. Хозяин старался. Дождик периодически поливал. Погода была тёплой, мы под козырьком, летний дождь только в удовольствие. Поздравляли, читали стихи, затягивали песни. Один питон привёз с собой гитару, сам играл и пел. Приглашённым был и писатель Владимир Константинович Грабарь, сокурсник и близкий друг самого старшего на рейде, они с хозяином дачи окончили училище в 1965 году, ознаменовав 17-й выпуск. Поэтому первая книга Владимира Грабаря имеет символическое название «Пароль семнадцать». Мы, ученики офицера Строгова, родились в 1965 году и выпустились через 17 лет после, ещё и присягу принимали в 17 лет. Такая получается магия чисел. Это совпадение в своё время обнаружил нескончаемый оптимист Ваня Чернявский.

Кто-то спросил у писателя Грабаря:

– Какими судьбами Вы оказались здесь и сейчас?

– Людмила Николаевна, жена Виктора Ивановича, любезно пригласила, приезжай, говорит. Именинник хоть с тобой рюмочку пропустит, а то его выпускники не злоупотребляют, ведут здоровый образ жизни.

Вот сидим, пьём соки, чай, а в голове от эмоций пья-

НЫМ-ПЬЯНО.

Мне, не щадящему свой организм ограничениями, удалось взять бутылку коньяка, но раскупорить её не случилось, поддержал компанию. Эмоций от общения с избытком. Как хорошо с друзьями! С утра – никакого похмелья, останутся только лучшие воспоминания, заряд энергии от встречи и лёгкая грусть от расставания.

Готовили шашлыки, жарили колбаски на мангале и красную рыбу в фольге. Лучшим поваром у горячего поста за последние годы стал Руслан Тихонов, ему все доверяют, остальные не мешают. Попробовали бы – Руслан служил в противодиверсионных силах, был водолазом. Сейчас участвует в международных соревнованиях по плаванию, чемпион Европы.

Всё как обычно. Виктор Иванович раздул самовар на углях. Долго мучился, но упорство было вознаграждено, самые терпеливые дождались ритуального чая аккуратно к завершению высокого собрания.

Да, сладкоежкам очень понравился торт, который самолично испекла жена питона, что с гитарой пришёл, сам играл и пел. Всем досталось по небольшому кусочку, отчего лакомство становилось более вожеленным.

Общаемся достаточно часто. Казалось бы, все истории пойдут по которому кругу. Нет, всегда на встречах с друзьями лучше молчать и слушать! В этот раз каждый поведал свой рассказ о поступлении в училище. Истории были непо-

вторимыми и интересными. Все так старались поступить, с детства мечтали о море. Мне было неловко признаться, что выполнял первый приказ в своей жизни: «Ты будешь нахимовцем!» Личного желания особо не проявлял. Но приказ есть приказ, тем более от мамы. Как я ей благодарен, что направила меня по интересному жизненному пути.

Жора прочитал свои стихи.

Размышления у памятника Строгову (1982 г.)

Вот он бронзовый – смотрит в упор

Чуть надменно и чуть свысока.

И так же холоден пристальный взор,

Карандаш не уронит рука.

И уже холодеет душа,

И от страха немеет живот,

Потому что он вновь не спеша

Что-то пишет в ужасный блокнот.

Может, кто-то, ломая кураж,

Скажет: метод его устарел,

Или скажет его карандаш —

Как копьё донкихота удел.

Ты не трать понапрасну слова,

Так как он всё равно не поймёт,

На какие способны дела

Карандаш и обычный блокнот.

Он поставлен бессменно в наряд —

Наш порядка недремлющий страж.

И всё так же победно зажат

В непокорной руке карандаш.

Виктор Иванович дежурно возмутился:

– Почему памятник? Я ещё жив! – и продолжил раздувать самовар.

Когда мы учились, легенды ходили про записную книжку Строгова. Она постоянно была при нём, и не дай бог если после строгого взгляда воспитатель взял тебя на карандаш. Как мы мечтали, чтоб он её потерял навсегда или чтоб её украли. Чтоб не осталось и намёка на внесённые туда замечания – свидетельства нашего позора.

И вот, по прошествии стольких лет Виктор Иванович между делом сообщил:

– Она была пуста, без единой записи. Психологический приём. Мой карандаш и записная книжка помогали воспитывать вас.

Вот такое признание спустя четыре десятилетия!

Когда нас зачислили в Нахимовское училище, мы из обычных уличных мальчишек-забияк превратились в «карасей», первокурсников. Вспоминали про сюжеты в карасёвском лагере, что здесь неподалёку, на берегу Нахимовского озера. Одно из первых занятий в летнем классе, на пеньках под открытым небом.

Виктор Иванович, для нас тогда исключительно товарищ капитан 3-го ранга, огласил:

– Товарищи нахимовцы, всё, что было в вашей жизни

до поступления в училище, было клубничным вопросом.

И в той же интонации добавил:

– Здесь мы из вас будем делать настоящих военных моряков.

Многие тогда осознали: лёгкой и нежной морской прогулки не получится. С первых дней в лагере из нас полезли таланты. Жора лучше всех отмахивал флажным семафором. При этом на его сосредоточенном лице, беззаветно обращённом вверх, на скворечник, прибитый к сосне, получалась неповторимая гримаса от концентрации и напряжения. И два флажка в руках начинали летать в режиме бешеного вентилятора. Сто двадцать знаков в минуту или двести двадцать знаков – не мог сосчитать. Не удивительно – Жора готовился в нахимовцы, учился в морской школе юнг при Доме пионеров в Ленинграде.

Кто больше всех подтягивался и быстрее бегал – не помню. Скорее всего, это были Боря Чулков, Саша Кузнецов или Вова Крестин, возможно, Андрей Апанасов или Юра Андреев. Все эти ребята и сейчас, на шестом десятке, выглядят очень подтянуто. Не в пример мне, висяку на турнике и с одышкой на беговой дорожке.

Нахимовец, тот, что с гитарой пришёл, внёс от себя пять копеек о спорте:

– Наш любимый преподаватель по физической подготовке, Ольхов, по кличке Садист, сделал из висящих на турнике сосисок нормальных военных. Через два года подтягивались

по восемь-десять раз. Понятно, передовики делали это раз по пятьдесят.

В свободное время хорошо играл в баскетбол Женя Уткин, мне нравилось с ним летать с мячом по полю. Саша Тосенко занимался яхтами по отдельной программе. Он с восьми лет ходил под парусом в Ленинграде, на Петровской Косе. По сей день периодически «выстреливает» в международных регатах, без победных кубков не возвращается. Андрей Маслаков не проявлял интерес к экстриму, зато сейчас скользит по морю на доске в шквалистый ветер с парусом или сидит за штурвалом самолёта малой авиации, в зависимости от настроения.

Не вылезал из санчасти только Андрей Веремчук, наблюдая из окна за нашей строевой и ночной жизнью:

– Все массовые игрища в виде маршей, тревог, ночных бросков я игнорировал и переживал за вас в медсанчасти... ну, так получалось.

Вагин Лёша начал придумывать смешные клички своим друзьям, они были безобидными и сразу прилипали, как банные листы.

Сергей Смеянов вспомнил одну из ночных вылазок:

– Испытал яркие впечатления, события достоверные. Тёмная ночь. Август. Тревога, первая в жизни. Никто не ожидал, с глубокого сна плохо соображали, за окнами казармы яркие вспышки и взрывы. Война началась! Вернулся в реальность быстро, оделся, собрался, плёвое дело. Смотрю,

а Сергей Смирнов в вещмешок запикивает подушку. О чём он думал? С какой целью? Спрашиваю: «Серёга, зачем подушку пихаешь в мешок?» Тот невозмутимо: «Уходим в поход, точно надолго. А если патроны нести? А у меня мешок уже полный. Налегке больше пользы принесу, не надо будет меня нести».

Сергею Смеянову после училища довелось служить срочную службу в «дикий дивизии». Стал лучшим снайпером не только в дивизии, но и в корпусе. Командиры у Сергея были в основном суворовцы. Зная, что Сергей нахимовец, относились к нему почти на равных, главное – доверяли ему. Сергей не стал военным моряком, закончил Макаровку в Ленинграде, хотел мир посмотреть. Своей цели добился, прошёл все океаны, моря и проливы. Много увидел.

Помню в лагере «Боевые листки». Первые были самые интересные. Сергей Смеянов рисовал удивительные карикатуры, не хуже Кукрыниксов, всем очень нравилось. Вадик Новиков успел себя проявить, как быстрый поедатель всего съестного за десятерых, правда, сейчас утверждает, что на чужие пайки не покушался. Тогда это был информационный повод на злобу дня. Есть хотелось постоянно. Рисунки удачно дополняло Жорино сочинительство, а стихи ложились подтекстом к шаржам:

Друзьями Новиков не понят,
Но оправдаться он сумел,

На флоте бабочек не ловят,
Кто первый сел, тот больше съел!

Недавно ездил в Калининград к другу Вове, поинтересовался, что больше всего запомнилось ему в карасёвском лагере, какие самые яркие воспоминания?

Вова рассказал:

– Тело помнит постоянные физические нагрузки, мышцы болели и ныли, постоянная усталость, мозоли до крови на руках от вальков шестивёсельного яла. Больше всего угнетало пожирающее чувство голода. Первый раз заступил в наряд рабочим по камбузу. Проявил смекалку и ловкость. Из наряда вышел с набитыми хлебом карманами. Эти оттопыренные хлебные карманы остались в памяти как великая радость, осязаемое счастье и уверенность в завтрашнем дне.

Иногда к избранным карасям приезжали ленинградские родственники, везунчиков кормили прямо через забор. В этой роли один раз оказался Вадик Новиков, шёл с грушей во рту в сторону казарм.

Навстречу – группа нахимовцев:

– Вадик, ты где грушу взял?

– Там... в лесу сорвал.

Группа нахимовцев умчалась в поисках груш, Вадик стоял на месте и смеялся над вечно голодными и не такими удачливыми собратями, уловка удалась:

– Откуда в сосновом лесу могут быть груши? Побежали

шишки собирать.

В лагере было действительно тяжело от постоянных физических нагрузок. Удивлялся своей выносливостью: физической подготовки на гражданке было недостаточно, поэтому терпел.

Очередная тревога. Все построились. Организаторами ночных игр рядом со строем был брошен взрывпакет. Скорей всего, это был дядя Слава Коновалов, мичман, наш старшина роты. Кто-то из второго взвода выскочил и отбросил взрывпакет в сторону. Возможно, это был нахимовец Вова Бабошин. Точно он. Годами позже была с ним история в высшем училище, когда он, находясь в самоходе, пехотному патрулю на предложение предъявить увольнительную записку предъявил гранату Ф-1, «лимонку». Может, это случилось совсем не с Вовой, но он точно был смелым и дерзким.

Далее – разбор полётов. Все ожидали, что за отброшенный взрывпакет ему объявят благодарность, поступок геройский. Нет, Вову вызывают из строя и объявляют выговор:

– У вас ещё будет возможность проявлять героизм, когда будете служить на флоте! Строй покидать никто не разрешал! – объявил капитан 3-го ранга Вербицкий, офицер-воспитатель второго взвода.

Военно-морские птенцы из второго взвода очень уважали и любили своего наставника. И было за что. Во-первых, за шикарные усы! Во-вторых, за демократию, хотя в те времена это слово было признано антисоветским, приемлем

был только демократический централизм. Наши соратники офицера Виктора Михайловича Вербицкого звали Папочка, а предыдущий выпуск называл Папа, такое совпадение не могло быть случайным. Виктора Михайловича окрестил Папочкой тот самый питон, который пришёл с гитарой, сам играл и пел.

Хорошо, признаюсь, это Сергей Сирый:

– Тяжело было под палящим солнцем заниматься строевыми занятиями, а здесь ещё Папочка решил, что его взвод должен быть лучшим по строевой подготовке. Задача была настолько нереальной, что её выполнение заслуживает восхищение офицером-воспитателем. Дело в том, что его класс по всем показателям, особенно по дисциплине, занимал стабильные первые места с самого конца. Папочка славился своей добротой на всё училище, многие хотели попасть в его взвод, вот и собирались лучшие.

Лето, жара, тренировал подопечных на износ. С этим надо было что-то делать. Сергей, изобразив обморок, ничком, как оловянный солдатик, упал на асфальтированный плац. Братья-караси вовремя поймали товарища под руки.

Валера Салихов, наблюдавший эту картину, думал: «Мне бы не упасть, надо держаться!»

Падение Серёги было настолько натуральным, что произвело впечатление не только на меня, но и на Папочку. Результат получен – строевые занятия стали выполняться без фанатизма.

В третьем взводе о поблажках могли только мечтать. Мне тогда казалось, даже если все упадут ничком и останется всего один выживший нахимовец в строю, он всё равно будет тянуть носок ноги, а кулаки полетят вперёд до бляхи, назад до отказа.

Как шутил, будучи курсантом, нынешний Главком ВМФ: – Видишь грудь четвёртого в строю, значит, любишь Родину свою!

Офицера-воспитателя Строгова не проведёшь! Демократический централизм – реальный принцип, работавший в нашей роте. Во втором взводе была «демократия». У нас, в третьем, исключительно «централизм».

Сразу по возвращении из лагеря начался учебный процесс. Не прошло двух месяцев, как мы оказались в одном коллективе. Дружбы ещё толком не сложилось, но точно появится! Жизнь в дальнейшем это подтвердила. После лагеря чувствовали себя настоящими военными моряками. Строем шагать научились, на шлюпках ходили, даже под парусом! Правда, обошлось не без потерь: двое из нашего класса не выдержали – отчислились по собственному желанию (Сергеев и Силин).

Как и у всех, у меня была своя история до поступления в училище, к тому времени уже имел опыт инкубаторской жизни. Восемь лет коротал в интернате, здесь, рядом, на Карельском перешейке, в Зеленогорске. С бытом никаких проблем – происходило всё привычно. Подъём, зарядка, водные

процедуры... разве что холодной водой. Затем завтрак, занятия, обед и так далее – всё по режиму. Восемь лет жизни. Основные постулаты нормального сосуществования были простыми: не ныть, не заноситься, и никаких лидеров в классе, иначе будет как в стае волков. Авторитет должен иметь тот, кто хорошо учится, поёт, танцует или стихи пишет. Такова была недлинная моя школа жизни на момент поступления в Нахимовское. Не представлял себе, что могло быть по-другому в единственном военно-морском училище для подростков в стране, где конкурс был шестнадцать человек на место.

Случайно за беседой у Виктора Ивановича на даче вспомнили об однокласснике Вадике. Он сейчас на Дальнем Востоке, служит на острове Сахалин министром.

Жора вспомнил почти мафиозную, интересную историю о том, как Вадик его вербовал в клан:

– Жора, давай создадим клан.

– Хорошо, а что это такое?

– Будем поддерживать друг друга во всём. Друг за друга будем горой.

– Будем как два мушкетёра?

– Да! Но лучше, когда три мушкетёра.

Вадик знал, что Жора уже подружился с Борей Чулковым. Боря мог стать очень хорошим другом и полезным для клана. К Чулкову ребята относились хорошо, и проскользнула информация, что у Бори отец – адмирал.

– Жора, предложи Боре Чулкову вступить в клан.

– А что сказать? Я сам мало понимаю, что такое клан. Что конкретно надо делать?

Вадик, возможно, был опытным руководителем клана в своей школе или просто слышал про Cosa Nostra и был романтиком. Поэтому был уверен, что новую жизнь в Военно-Морском Флоте лучше начинать со своим кланом. Дело архиважное.

– Объясни Боре, делать надо вот что. Например, если ночью разбудит тебя член клана и скажет, мол, надо что-то сделать, надо будет обязательно выполнить поручение. Понял?

– Понял, – сказал Жора и ушёл.

Через неделю Вадик поинтересовался у Жоры:

– Ну как? Боря согласился вступить в клан?

– Нет, не хочет.

Вадик не унимался:

– Почему? Тема очень интересная!

– Боря сначала согласился, ему дружба нравится. Готов дружить. Но как узнал, что надо ночью вставать, отказался.

Сам Боря Чулков подтвердил:

– Не смогу быть в клане, ночью люблю спать!

Так развалился в зародыше потенциальный клан 23-го класса. Дальше жили сообща.

Шутки шутками, жили, учились и служили дружно. Столько лет прошло, мы до сих пор вместе.

Вскоре после этой встречи у Строгова на даче, в начале сентября, ловили рыбу на Волге, под Белым Городом. Бла-

годаря гостеприимству Алексея и его жены Натальи получилась душевная встреча питерских и московских питонов. Там узнал, что в интернет-паутине есть чат, где админом является Вадим с острова Сахалин. На этот раз сам с удовольствием вошёл в «клан» Вадима, позвал туда друзей, а те – своих. Чат Вадика «Питоны» – хорошая идея, реально работает. Цифровые технологии рулят. И Жора не остался в стороне, прошло сорок лет, и он всё-таки вошёл в клан Вадика.

А Боря Чулков так и не шагнул, потому что он ночами любит спать. Ведь разница во времени между Питером и Сахалином целых девять часов.

Якоря КУРСАНТСКИХ ПОГОН

ПО МОРЯМ, ПО ВОЛНАМ

Ходили мы походами, морями, океанами. Сколько за жизнь их было, сразу и не припомнить. А сколько впереди? Угомониться не могу, тянет в море по сей день – под парусом пройти или хотя бы под дизелем на яхте с друзьями-подводниками. Обожаю шторма и ветер, чтоб пожестче, и погода расслабляться не давала. Где испытать себя, если не в море? Приторная, скучная жизнь примерного пешехода, ожидающего зелёный свет – не наш удел.

Вернёмся в недавнее прошлое. 1984 год. После окончания второго курса ВВМУППа собирались в дальний поход.

Начальник курса вызывает в канцелярию. В голове крутится: «В чём успел накосячить? Входить походкой морского краба или осторожного рака?»

Зашёл. Неожиданно зазвонил телефон.

В трубке громко:

– Это Черняк?

– Так точно, капитан 2-го ранга Черняк!

– Говорят, что Черняк – чудак!

– Это кто говорит?

– Это все говорят...

Далее короткие гудки, положили трубку на другом конце.

Капитана 2-го ранга Черняка мы за глаза звали просто Ваня. По мудрёному замыслу командования, после первого курса гения воспитательной работы перевели с минно-торпедного факультета на штурманский. Бывшие его подопечные продолжали подшучивать, а шутки у минёров, сами догадываетесь, на грани фола. А Ваня по душевной своей простоте, ни в коем случае не глупости бесподобной, периодически попадал во всяческие мыслимые и немыслимые неприятности.

Вызвал Ваня меня по делу. Объявил, что места мне на УК «Смольный» с заходом в Хельсинки не досталось. Разрядка международной напряжённости, о коей нам сейчас и не снится, наводилась на высоких уровнях власти. Генсеки активно менялись, а линия на добрососедские отношения сохранялась. Ядерной дубинкой потряхивали, однако оппоненты холодной войны не хотели войны ядерной. Выпал нам плановый поход на международном уровне, влекущий дружественный заход в иностранный порт капиталистического государства. Набрали туристов с ЛенВМБ: ансамбль песни и пляски, оркестр. Сборные по волейболу, водному поло и баскетболу. Части курсантов банально места на корабле не хватило.

Ваня окончательно вывел:

– Особисты решили, что ты неблагонадёжен, пойдёшь в поход с нахимовцами, потом присоединитесь в Кронштадте. А уж затем все вместе вокруг Европы – в Севастополь.

Таких разгильдяев, кому билета не хватило на заход в капстрану, с трёх факультетов набралось сотня, не менее.

Если кому проронить, что дважды фланировал маршрутом похода юных нахимовцев по Балтике, мало поверят. Причём первый раз в 1981 году на УК «Хасан» в качестве нахимовца, другой в 1984 на УК «Гангут» курсантом штурманского факультета.

Эдак завязалась романтическая история, возымевшая продолжение в нынешние дни. На финском русскоязычном информационном портале Gazeta.fi появился репортаж о найденной бутылке с письмом. Послание, плотно замотанное тряпками и целлофаном, выловила в западной части Финского залива яхтсменка из Финляндии Туула Саарентаус. Она берегла привет из прошлого почти 40 лет. Интернет-издание «Фонтанка.ру» в нынешней действительности без труда отыскало авторов этого письма. Их всего пятеро.

Москвич Лев Крошкин вкушал с детства своё предопределение. Дед по материнской линии – контр-адмирал.

Дима Санченков из Воскресенска восьмой класс школы завершил с отличием, благодаря этому при поступлении в нахимовцы сдавал не четыре, а один экзамен. И дядя у него моряк.

Ленинградец Коля Зарубо решение стать военным моряком принял в детском саду, после утренника в бескозырке. Страсть к морю оказалась такой силы, что инфицировала и старшего брата. С разницей в два года они окончили Нахи-

мовское, позже – училище им. Дзержинского, служили оба на Северном флоте.

Внук моряка-подводника, участника Таллинского перехода в военном 1941-м, Алексей Комиссаров тоже не видел иной судьбы, чем море.

И только Витя Демьянов моряков и прославленных флотоводцев в роду не имел. После смерти матери в Нахимовское отправила тётка. Его военно-морская жизнь оказалась самой короткой и потому, наверное, самой яркой.

На первом году обучения нахимовцев называют карасями. Переходя на второй курс, караси «смывают с себя чешую», превращаясь в питонов. Почему караси трансформируются именно в питонов, однозначного объяснения нет. Самая распространённая версия связана с лингвистическим рядом: воспитанник – воспитон – питон.

Строгих правил у традиции не существует – главное, облиться водой. Кто в гальюне из шланга, кто в прудах ЦПКиО – кому как повезёт.

– У нас, кажется, было в умывальнике. В личное время собрались, смыли с себя чешую, – вспоминает Алексей Комиссаров.

Свою подпись на том письме уверенно узнать он не может, но помнит рисунок с тремя лычками и надпись «Питоны 62 класса».

– Вечером, после отбоя, кто-то крикнул: «Вперед!» Старший офицер уехал домой, дежурный спал, а мы в гальюне

подсоединили шланг и водой поливались, – вспоминает Николай Зарубо.

Смыв чешуи распорядком Нахимовского не был предусмотрен, но традиции на флоте зачастую священнее Устава. Начальник училища, Герой Советского Союза контр-адмирал Лев Николаевич Столяров, спросил потом у старшего воспитателя:

– Ну что, твои-то смыли чешую, в питоны посвящены?

Поставив подчинённого в тупик своим вопросом, продолжил:

– Они что, у тебя до сих пор караси, что ли? Водичкой обливались точно.

Вот такой у нас был начальник училища. Уважаемый человек.

В июне 1984 года повзрослевшие караси приступили к прохождению летней практики. Проявить себя настоящими питонами предстояло на учебном корабле «Гангут». Это была плавучая база. В 1970-м со стапелей Черноморского судостроительного завода спустили на воду две плавбазы пр. 1886У: «Бородино» и «Гангут». Конструкторское бюро внесло коррективы в проект, чтобы корабли можно было использовать в учебных целях. Они служили верой и правдой и остались в памяти многих поколений будущих военных моряков. «Бородино» списали с Тихоокеанского флота в 1996 году, через два года на Балтике педагогический путь завершил «Гангут». Но в тот день, когда наши мальчишки

ступили на первый в своей жизни корабль, «Гангут» был полной сил единицей советского военно-морского флота. Это был настоящий морской поход: из Кронштадта в калининградский Балтийск с заходом в латвийскую Лиепаяю и обратно.

Два учебных корабля стоят рядышком в Кронштадте: УК «Гангут» и «Смольный». Последние штрихи перед походом. На «Гангут» грузят стадо некогда рогатых животных, каждое аккуратно разрублено на четыре части, а также соки, овощи, крупы, шоколадные конфеты. Говядину – курсантам, которым не хватило билетика на заветный рейс в Америку. Извините, перепутал, в Финляндию. Сладости – нахимовцам, в море идут вместе. На «Смольном» тем временем идёт тренировка почётного караула ВВМУППовцев, коим Родина доверяет погулять по городу Хельсинки. Ваня Черняк, начальник курса будущих штурманов, изгаляется, показывает, насколько высоко следует поднимать ногу.

– Нога пошлааа! – и, звучно ударяя подошвой по палубе: – Вот так надо!

В этот момент по громкой трансляции зычно звучит:

– Капитан второго ранга Черняк!

Ваня чётко, как положено:

– Я!

– Встать к борту!

Ваня командует:

– Рота! Встать к борту!

Почётный караул становится вдоль борта. Ваня вытягивается.

Следующая команда из динамиков не удивила только Ваню:

– Капитан второго ранга Черняк, прыгать за борт!

Ваня нервно поправляет свои большие очки и закидывает ногу за леер...

В это время из динамиков полилась песня в исполнении Татьяны Дорониной «Я мечтала о морях и кораллах».

Почётный караул, забыв о золотых погонах и аксельбантах, временно выданных для важной миссии в зарубежье – очаровать мэра зарубежной столицы, начал громко ржать, подпевая второй куплет:

То одна зима идёт, то другая.
И метели за окном завывают,
Только в клетках говорят попугаи,
А в лесу они язык забывают.

За представление для экипажей двух красавцев-кораблей шарового, военно-морского, цвета курсант Верх, один из репатриантов, оказавшихся на «Гангуте», решением Вани Черняка угодил в карцер, хорошо, не в концлагерь. Игорь перед самым построением пробрался в радиорубку, исполнил незабываемую концертную программу, за что неминуемо угодил в заточение. Знал, на что шёл, но это его не остановило. За смелость и творческий подход Игорьку сочувствую-

щие подтаскивали в темницу бутерброды и компот. Он даже успел потолстеть за три дня.

Учебные корабли разошлись, как в море. «Гангут» взял курс на Балтийск, «Смольный» – на Хельсинки.

Юных нахимовцев, воодушевлённых первым дальним походом по седой Балтике, осенила замечательная идея. Отправить в воду бутылку с посланием потомкам, как в полных романтики приключениях пиратов и отважного Робинзона...

Спустя почти 40 лет уже никто не может сказать, кому именно принадлежала эта идея. Лев Крошкин помнит, что дело было днём. Питоны 62-го класса пробрались на верхнюю палубу и, прячась между трубами, сочиняли «Послание нахимовцев». Кто-то заливался хохотом от придуманной затеи. Серьёзное же дело – меньше суток на корабле, а уже нарушают не по-детски. Так как спецоперация была спонтанной, текст тоже заранее никто не продумал. Минута на лихорадочное размышление – что сказать потомкам?

Ну и написали: «Того, кто найдёт эту бутылку с посланием, просим занести в Ленинград, в Нахимовское училище».

Ниже адрес и подписи – восемнадцать плюс одна. Самая последняя и самая читаемая принадлежала не нахимовцу, а матросу срочной службы, невольному свидетелю с УК «Гангут». Этот затесавшийся среди школьников матрос впоследствии сбил с толку портал «Фонтанка» и осложнил поиски авторов записки.

Дмитрий Санченков не помнит эпизод с бутылкой, хотя подпись свою нашёл. Он в том походе больше всего запомнил море:

– Когда вышли из Маркизовой лужи², морская гладь становилась шире и шире. Потом берега и острова остались только на картах. Затем началась штурманская практика, это безумно интересно!

У нахимовцев свободного времени было немного: несли вахту, изучали штурманское дело, драили палубу, в конце концов. Несмотря на старания офицеров, силы на изобретательность и шалости оставались.

– Я помню, как мы привязывали носки к верёвке и бросали за иллюминатор – стирали в Балтике, – говорит Виктор Демьянов, вспоминая также, как в трюме на нижней палубе устраивали стрельбы по крысам. – Они же могут передвигаться по вертикальной поверхности. Вот ботинком в неё кинешь, а она ещё и не уходит. Весёлое занятие.

Курсанты, поняв, что они люди второго сорта, «назначенные неудачники», всем своим видом и отсутствием поступков, согласно уставу, доказывали, что именно они полные разгильдяи. Себя лично причислял к политическим, поскольку был круглым отличником и умудрился оказаться среди лучших, как потом время показало.

Заход в Лиепаяю! Первая заграница в жизни. Для меня, второй раз засланного по маршруту, дарованному судьбой,

² Так иронично называют часть Финского залива от устья Невы до о. Котлин

стоит дорогого. Плюс свобода – в кармане увольнительная записка! В питонском походе тремя годами назад на УК «Хасан» ходили по городу исключительно строем.

На сушу вышел с освободившимся из карцера Игорем Верхом, душой компании и юмористом. Сходу прославился незабываемой фразой: «Я всё понимаю, любовь и всё такое. Но как можно иметь живого человека?» Игорь малопьющий, срочную служил танкистом, там и понял – надо держать себя в руках, а горло беречь, ещё песню петь. Двинули искать волшебное липайское пиво: янтарное, бархатное. Одни названия чего стоят! Мы тогда таких и не слыхивали. Набрались вкусного от пуза. Как на корабль идти?

Зря переживали, мы с Игорьком выглядели девственниками, в сравнении с минёрами. Те при перемещении на борт учебного корабля сыпались с трапа гроздьями. Высокорослый Коля, в будущем крупный военачальник, был задержан старпомом корабля, на своих двоих ещё держался, но был на грани. Карцера на всех задержанных не хватило, поэтому им старпом закрыл сход на берег до конца похода...

Вернувшись в Нахимовское, питоны 62-го класса поначалу ждали «почтальона» с посланием в бутылке. Потом потеряли надежду, а вскоре и забыли. Весточка прилетела, откуда не ждали, в лице гражданки Финляндии, возвратив нас во времена юности и веры в чудеса и морскую почту, в другую страну. О жизненных путях участников составителей питонского послания можно не уточнять. Впрочем, как

у многих из нас, до сих пор живущих во времена перемен.

У курсантов, волею командиров оказавшихся в походе с только что вылупившимися питончиками так же, как у всех: кто до пенсии мучался, кто уволился капиталистический хлеб поедать или авторитетом стал. Есть и депутаты, и главкомы, и ваш покорный слуга, который пишет о добрых временах и никогда не жалуется на судьбу.

Перед приходом в Кронштадт, знаменующим воссоединение с однокашниками «первого сорта» и последующим походом вокруг Европы в Севастополь, Игорь Верх спел под гитару песенку, которую сочинил в карцере:

Я мечтал и о морях, и кораллах,
Посетить хотел я порт иностранный,
Я вступил на корабль, а кораблик
Оказался «галошею рваной».

Десять дней мы Балтийское море
Своей грязной кормою терзали,
По пути заходили в Лиепаяу,
И в Балтийске мы тоже бывали.

Финский берег я видел в бинокль —
Корабли половины стран мира,
Но мне было всегда одиноко
Без родного Отца командира.

На борту старикашки Гангута

Эти дни бурным сном пролетели,
Только спины болят почему-то —
Мы, наверное, их отсидели!

А теперь я судьбою довольный,
Захмелев от Лиепайского пива,
Переводят сегодня на Смольный,
Где для нас заготовили мыло.

ПОХОД ВО ФРАНЦИЮ

Пошли походом курсанты 2-го курса доблестного КВВ-МУ, что в Калининграде, во Францию с официальным визитом на учебном корабле. Всё на высоком международном уровне: оркестр, рота почётного караула с участием дипломатов и военных атташе.

За многие годы между Россией и Францией сложилась нежнейшая любовь. Французы шутят, что у них после войны 1812 года появилась частица русской крови. Когда армия Александра I Павловича после уничтожения полчищ Наполеона стояла в Париже, русские воины спускали всё своё жалование в тавернах и щедро делились любовью с местными красавицами. Причём встреча французов с победителями была настолько тёплой, что после ухода казаков и бравых grenadiers на берегах Сены появились на свет славные младенцы – потомки русских солдат и офицеров.

Неудивительно, курсантов принимали как близких родственников. Экскурсии, народная дипломатия – приёмы в семьях. Апофеоз приключился на коньячно-винном заводике графа, эмигранта первой волны из России. Произошла стратегическая ошибка устроителей сродни поражению битвы при Ватерлоо. Сказать, что курсанты накачались в хлам – ничего не сказать. Роскошные автобусы, оснащённые кондиционерами, под музыкальное стереосопровождение везли

тела павших в «Бородинском сражении» на территории дружественной Французской Республики.

Артиллерист-второкурсник Саня был в числе пассажиров. Он слыл крепким малым со Среднерусской равнины, мастер спорта по плаванию. В то время как все организмы транспортировались в состоянии анабиоза горизонтально, Саня удерживал туловище вертикально, однако его неминуемо укачало, и подошли характерные позывы. Гардемарин не испортит интерьер автобуса, который сродни круизному лайнеру. Саня на очередной остановке на светофоре открыл заднюю дверь и вывалился на душную улицу. Оправившись за деревом, вырубился богатырь Земли русской, потерял сознание. Перепад температуры между прохладным воздухом в салоне и уличным зноем вкупе с количеством выпитого его добил.

И видится ему такой славный сон: лежит Саня в шёлковых простынях на просторной кровати в уютной спальне роскошной виллы с видом на море и романтическим закатом.

О, ужас! Это не сон! Доблестного ракетного гардемарина одолел страх, в голове пролетела мысль, как снаряд в нарезном стволе главного калибра: «Выкрали, завербуют, вытрясут все глубокие знания за два курса ракетно-артиллерийского факультета, ТТД и ТТХ секретного оружия». Одновременно с горьким озарением неслышно впорхнула симпатичная женщина средних лет, как у Высоцкого:

Там шпиёнки с крепким телом,
Ты их в дверь – они в окно!
Говори, что с этим делом
Мы покончили давно.

Пролетел снаряд в башке, где-то ухнул, в ушах зашумело, а во рту стая кошек поселилась, нагадила. Состояние дрянное, последнее, что помнит – автобус.

Тем временем француженка ненавязчиво предложила шампанского. Саня подумал: «Не иначе со снотворным, в подвал унесут, будут пытаться, яркой лампой в лицо светить и требовать Родину продать».

Дамочка прочла мысли пленного, искренне улыбнулась, оголив белоснежные зубки, пригубила из фужера и передала его русскому моряку. Саня с удовольствием принял холоденького с пузырьками, полегчало.

Вышли на террасу, незнакомка стала показывать на корабль и объяснять Сане план доставки дезертира поневоле на Родину (корабль в порту и нейтральных водах является территорией СССР). Возле виллы покачивался пришвартованный суперкатер, как у агента 007. Санёк незамедлительно был помещён в носовую каюту, вышли на рейд, подскочили к советскому борту, прошли вдоль учебного корабля.

На баке курили полупьяные курсанты – плечистые артиллеристы – а штурмана несли вахту ПДСС, охраняли от боевых пловцов НАТО. Штурманов брать на дегустиацию – это самоубийство. Фортуна улыбнулась только строе-

викам-ракетчикам, и то с сокрушительным финальным фиаско. Саня обозначил присутствие: показался из каюты, жёсткими подал сигнал, дескать, свои. От увиденного суперкатера с Саньком на палубе и капитана за штурвалом – роскошной дамы в шёлковой косынке, похожей на актрису – все остолбенели настолько, что отдельные индивиды протрезвели.

Короче, приволокли штормтрап, изобразили массовку, француженка на бреющем скольжении филигранно провела катер вдоль борта, Санёк сродни матросу Кошка безоглядно метнулся на суверенную территорию СССР.

Инцидент исчерпан, Саня успешно вернулся на Родину.

На пути героя в кубрик встал командир роты. Пред его взором в отглаженной француженкой форме на фоне остальной братии анархистского вида Александр выглядел, словно сиятельный князь Болконский на великосветском рауте среди тел, полёгших от изысканных вин, коньяков, кальвадосов. «Отряд не заметил потери бойца». Надо отдать должное, никто Санька не заложил, а, может, не захотели раздувать скандал, дабы не влетело – нашёлся боец – и ладно.

Во время утренней сечи и материализации духа виноватым любителям Бахуса раздали слонов. Саше же объявили благодарность за великолепную строевую выправку и высокий моральный облик советского курсанта за рубежом. Всем было велено брать пример с Сашки.

Меж тем шикарной француженке Санёк приглянулся. По-

этому утром следующего дня она не замедлила прибыть на раздачу «пятёрок» (за рубежом все передвижения происходили группами по 5 человек), чтобы забрать Санину пятёрку на известную виллу на берегу. С изысканным удовольствием реанимировала бойцов и старшего группы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.